

Оксана Лукаш

16+

Любовь сквозь века

книга 2

Оксана Лукаш

Любовь сквозь века. Книга 2

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Лукаш О.

Любовь сквозь века. Книга 2 / О. Лукаш — «ЛитРес: Самиздат»,
2019

ISBN 978-5-5320-8948-8

Старинный кинжал, испещренный рунами, поведаёт о чудесных перемещениях между мирами. О Лютом-ведуне и маге, способном влюбить в себя любую, да только не гордячку Милану. О Иваре и Вадиславе, доблестных воинах, закаленных в сражениях и битвах, но проигравших самих себя, встретив любовь. О милой и нежной Валерии, успешной бизнесвумен, запретившей себе любить - раз и навсегда. До счастья подать рукой, но миры так чудно переплелись, связав Милану и Валерию невидимыми нитями. Как изменить судьбу и предотвратить трагедию?

ISBN 978-5-5320-8948-8

© Лукаш О., 2019
© ЛитРес: Самиздат, 2019

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	15
Глава 3	28
Глава 4	30
Глава 5	35
Глава 6	40
Глава 7	43
Глава 8	45
Глава 9	51
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Глава 1

Рита сидела на кухне в квартире Валерии, вертела в руках записку. Снова и снова перечитывала короткие строчки и не могла понять ни слова. Буквы расплывались перед глазами.

Прилетев домой, прослушав сообщение подруги, девушка тут же приехала к ней. В квартире стояла тишина, Рыжий, радостно мурлыкал и просился на руки. Рита подхватила кота, тот льнул к ней, облизывал руки.

– Рыжий, малыш, что такое? За хозяйкой соскучился? Больше недели нет уже. Тебе ведь не привыкать? Что с тобой? Ты раньше так себя не вел.

Кот, словно понимая, о чем говорит Маргарита, вздохнул.

– Не пугай меня! Пойдем на кухню, дам тебе вкусняшек.

Миски были полными.

– Ты, что же так плохо кушаешь?

Кот подошел, понюхал корм, и нехотя начал жевать.

– Молодец! Вернется Лерка, тебя не узнает. Худющий стал, как крыса. Будет нам нагоняй. Ешь, немедленно!

Что это на столе за трактат? Для меня?– девушка развернула записку. – Полюбопытствуем: Рита, пожалуйста, позаботься о Рыжем. Какое-то время меня не будет в городе. Мне необходимо найти Михаила.

– Не может быть! Найти, Михаила! Она, что сдурела? Что произошло, пока меня не было? Не иначе Теодор, девчонку достал. Дебил! Зачем я его надоумила с ней мириться?

Рита набрала номер Валерии: Абонент временно недоступен, позвоните позднее.

– Очень хорошо! То ли телефон отключила, то ли связи нет. Скорее отключила, чтобы ее звонками не тревожили. Раз ты Лерочка недоступна, спросим за все грешки с Теодора,-Маргарита быстро нашла нужный номер.

– Алло,-в трубке раздался голос Тимура, его сопровождал женский смех и музыка. – Говорите громче, вас не слышно.

– Теодор, это Рита

– Рита? Да пошла ты, куда подальше. Ты, и твоя подруга-проститутка!

– Вот, гад, трубку бросил! По голосу явно пьян, как сапожник. Все ясно-Лерка его не простила. А, почему проститутка?-Рита снова набрала номер Теодора. – Я тебе не Лера, от меня так просто не отделаешься.

Тимур на звонки не отвечал.

– Игноришь меня? Ладно, позвоню завтра, авось проспиться!

Девушка обвела взглядом комнату, ее внимание привлек мобильный телефон, лежащий на подоконнике.

– Ничего себе! Она, что телефон дома забыла?

Аппарат не подавал признаков жизни.

– Разряжен.

Девушка нашла зарядное устройство и подключила телефон. Прошла в спальню, открыла бельевой шкаф. Все вещи были на своих местах. Вернулась в прихожую. Верхняя одежда Валерии висела на вешалках в шкафу, на антресоли стоял дорожный чемодан.

– В чем она уехала? В одних джинсах, что ли? Видимо так ее допекли здесь, что Лерка полуголая сбежала. Только, при чем здесь Миша? Зачем он ей вдруг понадобился? Может с деньгами его что-то, с теми, что на счетах лежат?

В замочной скважине повернулся ключ. Рита вздрогнула. На пороге появилась Зоя Акимовна. Обе женщины вскрикнули.

– Зоя Акимовна?!? Блин. Нельзя же так пугать! Я подумала воры.

- Я сама подумала воры. Рита! Ты, что здесь делаешь?
- За Рыжим приехала. Пока хозяйка не вернулась в родные пенаты, пригляжу за котейкой.
- Заберешь или приходить станешь?
- Не решила еще. Подумаю.
- Ну, думай, думай. Только он странный какой-то. Я же всегда его кормила, поила. Рыжий выходил, ластился. В этот раз, как Лерочка уехала, так и не выходит из ее спальни, ест плохо. Скушает, наверное. Когда она вернется?
- Скоро!
- Я ей звонила вчера, так она недоступна. И телефон на подоконнике валяется. Забыла что ли? Она жаловалась перед отъездом, что телефон барахлит. Я ей тоже, все дозвониться пыталась, чтобы она мне хлеба купила. Звонила, звонила, не берет трубку, хоть ты тресни. Я по-соседски, заглянула, мало ли что. Лера сказала, что аппарат сломался. И парень ее злющий был, ругался. Обещал ей новый купить.
- Какой, такой парень?
- Ой, можно подумать ты не знаешь какой? Высокий, прихрамывает на одну ногу. Но машина у него дорогая. Молодец Лерка! А, что хромает, то не беда. С лица воду не пить, главное, чтобы при деньгах был. Только, тот второй взбесился страшно.
- Какой второй?-Рита ошарашенно смотрела на Зою Акимовну. – Здесь был еще и второй?
- Ага. Тот, что букетики ей все носит. Дурак. Носит цветочки носит, а ночует то-другой,-Зоя Акимовна, захихикала, как девочка. – Рита, ты бы, как подруга поговорила с Лерой. Что это такое? Ходят, ходят, а не женятся. Надо же быть умнее, и тебе, кстати, тоже. Я вам обоим добра желаю. Мужики они такие, яблочко сорвут и в кусты. Где ваша хитрость? Вы же девочки! Вам сам бог велел мужиками крутить-вертеть.
- Да, да Зоя Акимовна. Мы будем, будем хитрее, и крутить-вертеть обязательно, дальше то, что было?
- Старуха, недовольно поджала губы.
- Откуда мне знать, что дальше было? Я что за ней слежу? Сейчас, опять, начнешь надо мной издеваться, что я в замочную скважину целыми днями за всеми подсматриваю да сплетни по подъезду собираю. Я за вас дурочек несмышленных переживаю.
- Знаю, Зоя Акимовна, знаю! Вы очень добрая! Только, рассказывайте дальше, не томите.
- Ну, а что дальше? Дальше, я вышла на площадку, шум услышала, дай думаю, посмотрю, что приключилось. Там, Лерка, стоит в одном полотенце. Тот второй с цветочками приперся. Наглая рожа, с Лерки глаз не сводит, что кот на сметану тарашится. Она его в квартиру втокнула. Застеснялась меня. Потом первый пришел, и тоже с букетиком. Кричали они так, будто война началась. Весь подъезд своими криками переполошили. Сначала, из квартиры второй выскочил, потом первый захромал восвояси. Оба со двора машины на бешеной скорости выгнали, видимо, Лерка, разбираться не стала, выгнала обоих,-старуха замолчала. – Зачем было выгонять? Пусть сначала женятся, а потом уже выгоняй на законных основаниях.
- И все?
- И все. А что еще? Ночью Лерочку на работу вызвали. Она улетела. Торопилась очень. Утром, и один и второй вернулись. Так в этот раз, я их погнала. Ходят, топчут, а мне потом на площадке убирай.
- Понятно. Спасибо, вам Зоя Акимовна.
- Что мне твое спасибо? Лучше бы за ум, девки, взялись! Не слушаете меня совсем. Была бы Женечка жива, выдрала бы вас, как сидоровых коз. Рыжего, теперь, сама корми. Если не заберешь, я тоже буду заходить. Присмотрю за ним, а то грустный он слишком,-старуха погладила кота и пошла к себе.

– Ничего себе страсти кипят! Вот, так Лера. Без слов понятно, что Теодор с Валерией не помирились, а наоборот, как в анекдоте-приходит муж домой, в их случае брошенный жених, а там, картина маслом. И что за хромой у нее? Жоффрей де Пейрак? Так его сожгли на Гревской площади. Хорошо еще-не Горбун. Лера, Лера. Не везет нам с тобой с мужиками, что не говно, то к нашему берегу. Хотя, что-то она говорила про какого-то Сашу? Саша-друг Тимура. Вот это да! Видимо, все у них сложилось, а Тимурка не стерпел. Однозначно, был скандал. Но все равно, при чем здесь Миша?

Телефон Леры ожил и тихонечко завибрировал. Смс. Рита прочла: «Лера, пожалуйста, перезвоните мне»,-отправитель-Семен.

– Твою ж ты мать. Это еще кто?-Рита стала вспоминать рассказы Леры. – Да, точно, их три друга-Теодор, Александр и Семен. Они вместе служили, вместе воевали. Этому прощельге Лера зачем понадобилась?-девушка нажала – Позвонить. – Сейчас Сема я на тебе нервы успокою, и если ты мне все не прояснишь, живым съем.

– Да, алло! Валерия. Здравствуйте. Хорошо, что вы, наконец, мне позвонили. Я хочу поговорить.

– Это не Валерия. И не тараторьте, как черт по коробке. А то, что поговорить хотите, это похвально. Я, также, желаю с вами Семен кое-что обсудить.

– Кто это?-голос мужчины напрягся.

– Кто! Кто? Дед Пихто. Я Маргарита–подруга Валерии.

– Здравствуйте Маргарита. Рад знакомству. С Лерой, я могу переговорить. Она рядом?

– Нет, уважаемый. Не можете. Она не рядом. Ее вообще нет.

– Как это, вообще?

– А вот так. Пропала. Испарилась. Что тут произошло, и где моя подруга?

– Я не знаю...

– Ах, вы не знаете! А кто знает? Я даже разобраться не стану. Я сейчас же звоню в полицию, сообщаю о том, что пропал человек. Пусть сажают всю вашу расчудесную троицу и возвращают мне подругу обратно.

– Рита, не надо в полицию. Вы можете мне рассказать все по порядку и мы вместе подумаем, что делать. Честное слово, я не знаю где сейчас Валерия. Я даже не знаю, что она пропала. Просто, звоню ей несколько дней подряд, хотел поговорить.

– Мало ли, что вы там хотели! Мне плевать на вас и ваши желания. Мне важно, что я хочу! А, хочу я-видеть свою подругу живой и невредимой, стоящей передо мной на этой кухне. Пропали вы все пропадом! И вы, и ваш алкоголик Теодор, и колченогий козел Александр.

– Теодор-не алкоголик, а Сашка, вообще-то, герой.

– Кто он, если не алкоголик? Звонила ему только что, лыка не вяжет! Музыка орет, бабы смеются. Сразу видно-мужик переживает разрыв с любимой, которой до гроба клялся в вечной любви и верности. Сказала-алкаш, значит алкаш! И второй. Герой, он блин. Видала я таких героев, знаете где?

– Предполагаю. Рита, пожалуйста, успокойтесь! Я сейчас к вам подъеду, и мы спокойно все обсудим. Вместе подумаем, что предпринять. Не волнуйтесь.

– А, я и не волнуюсь. Я в гневе! И не хочу с вами разговаривать. Вы, наверняка тоже, или алкоголик или козел. Я звоню в полицию. В ПО-ЛИ-ЦИ-Ю. Вам ясно?

– Хорошо, Рита, хорошо! Если вам станет легче, я буду для вас и алкоголиком и козлом, и всем, кем вы захотите. Только не звоните пока никуда. Прошу вас! Давайте поговорим.

– Хам. У вас час. Жду вашего приезда в квартире Леры. Не появьтесь-пеняйте на себя. Время пошло.

– Я уже выехал.

Семен не заставил себя долго ждать. Ровно через час, гладко выбритый, с букетом наперевес он улыбался девушке своей самой ослепительной улыбкой.

- Здравствуйте, Рита. Я Семен. Вот, цветы, чтобы немножко смягчить ваш гнев.
- Да, Семен. Психические отклонения преследуют вашу троицу по пятам. Уберите свой дохлый веник, не бесите. Совет вам маленький на будущее, лучшие друзья девушек-бриллианты, а не выдавшая виды росянка, которую вы мне зачем то приволокли.
- Это не росянка, это орхидеи.
- Вас нагло обманули.
- По-моему, нормальный букет, вполне себе свежий и... Куда вы звоните?
- В полицию.
- Не надо. Я понял, веник–отставить! О цветах поговорим в другой раз.
- Рита протянула мужчине записку подруги.
- Читайте.
- Хм...дела. А куда она поехала?
- Вы дурак или прикидываетесь? Это я у вас, как раз и хочу узнать.
- А, ну-да, извините, как-то я растерялся. Вы, Рита, очень красивая, когда злитесь.
- Девушка подкатила глаза.
- Семен, я вас сейчас ударю и рука у меня тяжелая. Напрягите уже свой мозг, или что там у вас вместо него?!? Сосредоточьтесь и постарайтесь вспомнить, что произошло. Кто и когда Леру видел в последний раз.
- Да, не знаю я. Я ее последний раз видел перед Новым годом. Теодор или Сашка может быть знают. Давайте позвоним.
- Кому? Кому мы позвоним?
- Для начала Тимуру.
- Попробуйте. Хотя час назад, он был пьян.
- Подождите, уже набираю,-Семен поставил телефон на громкую связь
- Алло, Тимурка, брат, здорово.
- О, Сема, здоров, здоров.
- Тимур, ты где?
- Теодор пьяно засмеялся.
- Где, где? Хрен его знает? Сейчас спрошу. Тань, Танька, мы где?-женский голос, что-то ответил Тимуру.
- Сема, мы на свадьбе.
- На свадьбе?
- На свадьбе!
- Тимур, а на чьей вы свадьбе?
- Танька, на чьей мы свадьбе? На нашей?
- Сем, мы на нашей свадьбе. Приезжай, тут клево! Девки шикарные! Тань, ну чего ты дерешься? Сем, Танька дерется! В общем, давай приезжай.
- В каком вы кабаке?
- Тань, мы в каком кабаке? Сема сейчас подъедет. Почему не подъедет?
- Сем, Танька говорит, что ты не сможешь приехать, потому, что мы в «Париже».
- «Париж», это на Невском который?
- Тань, а «Париж», это на Невском? Да, ты гонишь!-Тимур залиvisto расхохотался.
- Не Сем, ты не приедешь. Во всяком случае, не сегодня. Мы в Париже, который во Франции, которая в Европе. Так что, бери билет и вылетай.
- Молодцы. Как ты туда попал? Да, еще и с Танькой.
- А я знаю? Я вообще, пью.
- И давно пьешь?
- Не помню.
- С чего вдруг?

– Тоже не помню. Точнее, не хочу вспоминать.

– Может, мне как другу расскажешь, что случилось? Ты же с Лерой хотел мириться.

– С кем? С Лерой? Не знаю больше такой. Я ее застал с любовником. А любовник–Сашка. Она, кстати, с ним в Москву укатила. В общем, тебя ждать или нет? Нам тут торт вынесли. Давай, вылетай, отметим вместе.

– Ладно, Теодор, завтра-на свежую голову еще поговорим.

– Как знаешь. Отбой.

Рита выразительно смотрела на Семена.

– Ну да, ну да! Теодор-не алкоголик. Кто тогда? Мальчик-зайчик? Что же вы его не поздравили от моего имени? Он сделал прекрасный выбор.

– Ладно, вам Рита иронизировать. Мы хотя бы прояснили, что Лера уехала с Сашей в Москву. Сейчас, ему позвоним. Теодор нормальный, просто, расстроился сильно. Он вашу подругу на самом деле любит. Только теперь не вернет никогда, вот и переживает, пьет да гуляет. Ничего, пройдет. Я его знаю.

– Мне все равно. Плевать я хотела на его душевные порывы и терзания. Звоните уже! Отчего то, мне не спокойно. Я не уверена, что Лера с вашим разлюбезным Александром.

– Уже звоню. Саш, привет. Как жизнь?

– Привет, Сема. Нормально. Что-то случилось?

– Да, нет, я просто так. Там, наш Теодор, вроде бы, женился. Сейчас с ним разговаривал.

Пьяный, в Париже свадьбу гуляет.

– Совет молодым да любовь. Почему в Париже? Они же, вроде, в Москву уехали!

– С чего ты взял? Это ты в Москве! А, Тимур в Париже.

– Я в Чехии. Ты забыл? Я говорил тебе про санаторий.

– В Чехии?

– Да.

– Саш, а Лера с тобой?

Воцарилось молчание.

– Семен, если это шутка, то она идиотская. Ты, только что сказал, что Лера вышла замуж за Теодора, и они празднуют свадьбу в Париже. Как она может быть со мной?

– Я не сказал, что она вышла замуж. Я сказал, что Теодор женился.

– Разве это не одно и то же?

– Он женился на Таньке. Поэтому я и спрашиваю, Лера с тобой? Если с тобой, то хорош скрываться! Конspirаторы. Уже все знают о том, что вы вместе, и о том, что в Москве. Дай ей трубку. Ее Рита ищет.

– Семен, я тебе повторяю, – Леры со мной нет. Она с Тимуром. Они в Москве. Ищи ее у него. И давай закончим с этой историей, я от нее порядком устал. Все! Бывай!

– Подожди! Саш? Блин, повесил трубку.

У Риты на глаза навернулись слезы.

– Семен, что же это? Неужели она и правда поехала его искать.

– Не знаю Рита, может быть. Хотелось бы понять, для начала, что тут произошло.

Телефон Семена протяжно завыл. Рита подскочила от странного звука. Рингтон напоминал волчий вой. Мужчина жалко улыбался, как бы извиняясь перед девушкой. Рита поджала губы и покрутила у виска, давая понять, что на больных не обижается.

– Да, Саш. Ты что трубки, как барышня швыряешь?

– А, ты, что мне душу рвешь? Допрос устроил? Где она да с кем. Это вы так с Тимуром забавляетесь?

– Никто не забавляется. Лера пропала. Ее нигде нет.

– Что значит пропала? Что значит нигде нет? Она с Теодором. В Москве.

– С чего ты взял? Теодор в Париже, женился на Таньке, и он считает, что Лера с тобой. А ты считаешь, что она с ним.

– Мне соседка сказала, -голос Александра был растерянным. – Так, она не с Теодором?

– Не буду утверждать на сто процентов. Уж слишком Тимур пьян, но похоже ни с ним.

И ни с тобой.

– С кем тогда?

– Это мы и пытаемся прояснить с Ритой.

– Считаю, что я уже вылетел. Завтра буду.

– Семен, почему вы не сказали ему про Михаила?

– Тогда бы он был здесь уже сегодня. Я, все-таки, не уверен, что Лера ни с Тимуром.

– Да, ни с Тимуром она, ни с Тимуром. Беда с ней приключилась. Я чувствую. Нельзя ей с Мишей видаться. Я всегда подозревала, что Лерка знает где он, только сама его искать не станет. Гордая. Всю жизнь он ей поломал. Ваш друг упомянул соседку. А ну-ка, пойдёмте, спросим у старой карги, что она кому наговорила, -с этими словами, Рита вышла на лестничную клетку и позвонила к Зое Акимовне.

– Ой, Риточка, что тебе?

– Зоя Акимовна, вы мне сказали, что наутро после отъезда Леры, к ней два кавалера заходили.

– Сказала. Заходили. Выгнала я обоих.

– Зоя Акимовна, а что еще вы им наговорили?

– Да, ничего такого. Ничего такого. В чем ты меня подозреваешь? Я сказала, что в Москву наша девочка уехала, в командировку. Что работает бедняжка, как ишак, а им и дела нет! Женились бы лучше.

– Зоя Акимовна, зачем вы мне врете? Каждый из них думает, что Лера с другим. Почему?

– Я здесь при чем?-старуха хмыкнула. – Что ты меня пытаешь, еще и при посторонних? Это, кстати, кто? Кого ты ко мне привела?

– Это не посторонний. Это мой будущий муж. Признавайтесь Зоя Акимовна, ваших рук дело? Обманули мужиков?

– Обманула, и что такого! Нечего девку позорить. Пусть женятся! А, так, поревнуют, глядишь одумаются. Лерочка из командировки вернется, а они голубчики-тут как тут, тепленькие, с предложением. Ей только выбрать останется.

Рита махнула на женщину рукой.

– Вечно вы Зоя Акимовна, в чужие дела свой нос суετε.

– Лера мне не чужая. Ты мужа себе отхватила, и ей в девках хватит ходить. Да, и спокойствия на старости лет хочю. То Мишка ей двери ломал, скандалы устраивал. Теперь эти появились. Ходят, бродят! Ни покоя, ни отдыха. Женя покойница мне заботиться велела. Приходится за вами- непутевыми смотреть, раз обещала.

Рита с Семеном вошли в квартиру, прошли на кухню. Девушка зашумела посудой, стала доставать из холодильника продукты, что то нарезать. Поставила на огонь сковороду.

– Рита, что вы делаете?

– Вы ослепли? Готовлю!

– Зачем?

– Я проголодалась.

– Проголодались? Так, чего же вы молчите? Рита! Сейчас я что-нибудь закажу. Зачем напрягаться. 21 век на дворе.

– Вы не дослушали меня Семен. Когда я готовлю, я успокаиваюсь, расслабляюсь и думаю. У вас мысли есть где Леру искать?

– Нет.

– И у меня нет. Первое подозрение падает на ваших друзей.

– Рита, это же бред. Мы оба понимаем, что они ничего плохого Лере сделать не могли.
– Я не так оптимистично смотрю на ситуацию, как вы Семен. Кушать будете?

– Вы меня не отравите?

– Зачем мне травить собственного будущего мужа? Это нелогично. Как минимум до свадьбы.

– С чего вы взяли, что я на вас женюсь?

– Интуиция Семен, интуиция,-девушка засмеялась. – Вы мне, более чем, подходите. Вам скорую вызвать или валидола хватит?

Через полчаса Маргарита накрыла стол к обеду, как она выразилась-на скорую руку, подав картофельную запеканку, куриные оладьи и овощной салат.

– Рита, вы чудесно готовите.

– Я знаю, Семен. Приятного аппетита,- после еды, девушка сварила кофе и села в задумчивости в гостиной.

– Рита, может быть, вас отвезти домой? Я вижу, вы устали. Сегодня был трудный день.

– Нет, я останусь здесь. Я действительно устала. Ах, да! Хорошо, что напомнили.

Девушка достала свой мобильный, отправила кому-то сообщение. Тут же ее телефон зазвонил.

– Да, Николай. Нет, малыш, сегодня я не приеду. Я останусь у Леры. Рыжий сильно скучает, плохо ест. Я проведу ночь здесь. Нет, приезжать не надо. Я сказала, не надо. Да. Спокойной ночи. Да, и я целую. Все. Пока!

Семен нахмурился.

– Кто это вам звонил? И кого вы там целуете?

– Почему интересуетесь?

– Я же будущий муж.

– Вы, кажется, отказались?

– Я передумал! Вы слишком вкусно готовите.

– Забавно. Знаете, будущий муж, мне нужны, какие -то доказательства, что вы мне подходите,-с этими словами, девушка обняла Семена и нежно поцеловала.

Семен остолбенел, он ожидал всего чего угодно, но только не поцелуя.

Рита, ухмыльнувшись, отошла от мужчины.

– Однозначно, не подходите. Целоваться не умеете! Стоите, как истукан.

– Рита, ты целый день испытываешь меня на прочность, и я тебе скажу детка, считай, что мое терпение лопнуло. Ты допрыгалась!-мужчина притянул девушку к себе, ответил на поцелуй, страстно и горячо.

Внезапный порыв, словно пламя, охватил обоих.

–Уф, такого у меня еще не было. Рита, ты ведьма!

– Не могу сказать того же о себе. Так себе секс, но для супружеского сойдет,-Рита расхохоталась. – Где моя блузка?

– Ты, стерва милая. Что значит так себе?-мужчина молниеносно опрокинул девушку на диван.

– Бери свои слова обратно, и заодно говори, кто такой этот Николай?

– Тебе зачем?

– Я же должен знать кому ехать чистить лицо!

– Мой будущий муж.

Семен смотрел на Риту удивленно.

– И ты, так спокойно об этом говоришь, занимаясь любовью со мной?

– Да, милый.

– Почему?

– Я же сказала, ты мне оченьходишь.

– А, Николай?
– А Николай–козел.
– Вроде, козлом с утра был я?
– К вечеру все изменилось. Мы-девушки народ непостоянный. Правда, никто не гарантирует, что и дальше все останется на своих местах.

Семен подскочил с дивана и заходил по комнате.

– Значит так! Завтра же ты выставишь этого Николая, к чертовой матери-вон. Иначе, я за себя не отвечаю. И будь оно все неладно, мы пойдем и подадим заявление в ЗАГС.

– Мило, дорогой, мило. Но я должна подумать. Я же порядочная девушка и не уверена, что мы совместимы.

– Рита, ты играешь с огнем.

– Семушка, ты слишком вспыльчив, но я найду нужное применение этому качеству.

– Как ты меня назвала?

– Семушка. На Заю или Рыбу, ты не похож.

Семен не успел ответить, его злобную тираду прервал пронзительный звонок в дверь.

Рита подбежала к входной двери, посмотрела в глазок, тихо взвизгнула.

– Сема! Живо прячься. Это Николай.

Мужчина заметался по комнате. В одной простыне выбежал в прихожую.

Звонок не умолкал.

– Куда? Куда ты побежал? Давай на балкон!

– Ты с ума сошла? Минус двадцать.

– Тогда в шкаф. Быстро! И сиди, как мышь, не высовывайся.

Девушка запихнула любовника в стенной шкаф в прихожей.

– Рита, я задохнусь! Я ненавижу замкнутые пространства.

– Ненавидишь-терпи. Или умри там! Самое главное молча, без звука. Все, тихо!

Умолкни.

– Николаша, дорогой! Ты зачем приехал? Мы же договорились.

– Как зачем? Ты, тут одна. Всякое может случиться. Мне без тебя тоскливо,– Николай прижал Маргариту к себе, поцеловал.

Семен наблюдал за парой в небольшую щель.

– Вот, сука! Целуется он.

Николай прислушался.

– Рит, ты что-то сказала?

– Я? Нет! Тебе послышалось. Пойдем на кухню, я кофе сварю. Ты на машине?

– Да.

– Сейчас кофе выпьем, и езжай домой. Или езжай прямо сейчас. Так, даже лучше будет.

Нужен тебе этот кофе!

– Ты не хочешь, чтобы я остался? Почему? Ты раздета, Рит!

– Николаша, я же сказала тебе, что очень устала, хочу спать. Я, в принципе, уже спала.

Ты меня разбудил.

– Крошка моя, сонной ты совсем не выглядишь,–Николай потянулся к девушке.

– Коль отстань, я тебе сказала. Я не в настроении сегодня.

– Ты всегда не в настроении. Держишь меня в черном теле.

В это время, Рыжий лапой отодвинул створку стенного шкафа и удивленно уставился на Семена. Семен удивленно глядел на Рыжего. Рита подкатила глаза. Николай удивился сильнее остальных.

– Рита, это кто?

Девушка развела руками.

– Мне откуда знать? Это, вообще, Лерина квартира и ее шкаф. Давай закроем от греха, мало ли, что там у нее еще завалилось. Она антресоли годами не разбирает. Все работает, работает. Времени совсем нет. Я ей давно предлагала помощницу по хозяйству нанять!

Рыжий забрался в шкаф, и недолго думая, укусил Семена за палец. Семен заорал от боли. Кот взбеленился, выскочил из шкафа, наткнулся на Николая и впился зубами тому в ногу. Николай кричал и матерился, пытаясь скинуть обезумевшее животное с себя, но Рыжий не сдавался. Выпустил когти и проехал на них, словно на санках, по ноге Николая. Скатился на пол и убежал в комнату.

– Мать твою, Рита, вызови мне скорую! Он меня убил.

– Ничего не убил. Чуть-чуть поцарапал и прокусил джинсы. Что ты так орешь?

– Мне больно. Принеси перекись. Не стесняйся Семена и больше не выясняя, что за мужик прячется в шкафу, Николай сдернул с себя джинсы и рассматривал следы от зубов и когтей.

Рита вошла с перекисью и йодом.

– Возьми и не страдай! Ты же мужчина-потерпишь. Почти и нет ничего. Больше шума и паники. Езжай домой.

– Да, дорогая я поехал. Утром позвоню,– Николай натянул джинсы обратно и спешно вышел.

Семен ошарашенно озирался.

– Так, я не понял, он мне, что морду бить не будет?

– Нет.

– Тогда зачем я прятался?

– Затем, чтобы Николаша потом полгода не гундел, и мозг мне про любовника не выносил.

– Интересные у вас отношения.

– Нет у нас давно, никаких отношений. Ошибка молодости,–Рита вздохнула. – У тебя кровь,– девушка протянула страдальцу перекись.

Семен, завернутый в простыню и напоминающий римского патриция, прихрамывая, побрел за Ритой.

– Рит, теперь я, как честный человек, однозначно, обязан жениться.

– Ничего ты не обязан. Пошутили и хватит. Сегодня, действительно, был трудный день. Собирайся. Тебе пора.

– Для тебя все произошедшее было шуткой?

– Ты хочешь закатить мне сцену?

– Да.

– Попробуй!

– Завтра в десять я заеду за тобой. Мы выберем тебе кольцо и подадим заявление в ЗАГС. Или сначала подадим заявление в ЗАГС, а потом выберем кольцо. Очередность действий оставляю на твое усмотрение. Ты меня поняла?

– А, если нет? Если я сбегу?

– Не сбежишь.

– Это еще почему?

– Ты в меня влюбилась с первого взгляда.

– Дурак.

– Это я уже слышал. До завтра любимая. В десять ровно заеду, чтобы была готова,–Семен, спешно оделся и вышел из квартиры.

Рита, хитро прищурившись, выбежала на балкон. Дождалась когда мужчина появится на улице и тихо его окликнула.

– Семушка. Семушка!?!

Мужчина поднял голову вверх и еле успел увернуться. Букет, подаренных им цветов, сплотиловал с пятого этажа, словно ракета и застрял в сугробе.

Семен погрозил девушке пальцем, та в ответ дерзко улыбнулась и показала язык.

– Иди в дом. Простудишься. Холодина.

Рита хмыкнула и спряталась в квартире.

– Запалошная!-Семен улыбался. – Ну, я даю! Холостяк. По всей видимости-бывший. Назад-хода нет. Теперь, я понимаю и Сашку, и Теодора. Любовь зла. Ладно, утро вечера мудренее.

Глава 2

Ровно в 10 утра Семен стоял на пороге квартиры Валерии и нервно нажимал на кнопку звонка. Дверь не открывали.

– Куда она запропастилась? Сказал же, приеду в 10.00.

Дверь с шумом распахнулась. Рита стояла в одной простыне и сонно шурилась.

– Что происходит? Ты зачем пришел в такую рань? – девушка сладко зевнула и потянулась.

Простыня стала сползать с пышной груди. Семен не мог отвести взгляд от открывшейся картины, дававшей богатый простор воображению.

– Глаза не сломаешь?

– Не а! Я войду? Или ты меня до обеда у двери мурыжить будешь? Разве так встречают любимых женихов?

– Любимых, не так!

– Дерзкая ты барышня, Маргарита.

– Семен, не заставляй меня нервничать. Я последний раз спрашиваю, ты зачем пришел, и на что рассчитываешь?

– На твою благосклонность и кофе. А пришел я, чтобы жениться на тебе, это раз, а два-Лера пропала, ты не забыла?

– Нет. Я не забыла и тебе не дам. Проходи, коли нелегкая принесла, заодно, и кофе мне сварить. Правду люди говорят: «Утро добрым не бывает».

– Не ворчи. А то я передумаю жениться! Дерзишь, кофе варить отказываешься, на шею при встрече не кидаешься, не невеста, а черт в юбке, точнее, чертушка.

– Ох, е!-кулачок девушки угодил в цель. – Рита, ты где так мастерски научилась пробивать врагу печень? Так и убить можно! Ты бы полегче! В наше время холостыми мужиками не разбрасываются.

– Хорош мужик! Еще, служил говорят. Врут, поди.

– Так я не ожидал от тебя такого.

– Совершенно напрасно и зря. Нужно всегда быть готовым к труду и обороне. К труду особенно. Проходи на кухню, кофе в верхнем правом шкафике, турка в левом нижнем, вода в кулере. Я в душ. Кофе люблю с корицей и без сахара. Корицу ищи сам, ты же сыщик! – Рита подмигнула мужчине.

Семен ошарашено озирался.

– Сем, ты, что глаза пучишь? Ах, да – кухня прямо по коридору.

– Рита, я даже не знаю, что тебе ответить.

– Привыкай. Жених ты, в конце концов, или не жених?

– Теперь сомневаюсь в правильности своего выбора. Может мне сбежать, пока ты душ принимаешь?

– Ни вопрос. Свято место пусто не бывает.

– Ты о чем? Что хочешь сказать? – Семен нахмурился. – Рита, ты почему не одета? Сонная, в простыне. Мы же договорились вчера. Ты с кем здесь? Не одна? Так?!? Отвечай! Ты не одна? Николаша твой припадочный приперся, что ли?

Рита опешила и стояла молча. Семен бардовел на глазах, желваки ходили, руки сжались в кулаки.

– Где он? Где, я тебя спрашиваю? А, я знаю! – взгляд Семена остановился на стенном шкафу, в котором вчера вечером прятался он сам. – Отойди! Отойди, говорю от шкафа. Не доводи, до греха.

Девушка подвинулась, но не проронила ни слова. Семен резко отодвинул створку шкафа.

– Что, никого? Облом! Ты Семушка на антресоли загляни, может там Николаша клубком, как змей свернулся, а может под диван заполз и трясется от страха или описался.

Мужчина бегал по квартире, заглядывая во все шкафы, и не найдя никого, выскочил на балкон, перегнулся через перила. Николая или другого потенциального любовника не наблюдалось.

– Рита, ты здесь одна?

– Сема, ты случайно не контуженный? Или у тебя такие ролевые игры?

Семен сел на диван.

– Извини. Просто я подумал, вообразил.

Рита махнула на мужчину рукой.

– Совсем ку-ку! И угораздило же меня! Шел бы ты Семушка, подобру-поздорову, пока ветер без камней. Мне и без твоих цирковых номеров тошно.

Тираду Риты прервала трель звонка.

– Дурдом какой-то. Кто там еще? Может Лера?-Маргарита опрометью бросилась к входной двери, за ней уныло поплелся Семен.

– Николаша, котик, ты зачем пришел? Ты же знаешь, я не люблю визитеров с утра. Почему с чемоданом? Уезжаешь? Командировка?

– Я ухожу. Совсем ухожу.

В прихожую вышел Семен. Мужчины в упор смотрели друг на друга. Рита стояла между ними.

– Из-за этого?– девушка указала на Семена рукой.

– И, да и нет. Я же не дурак, я все вчера понял. И не только вчера! Я давно, Рит, понял, что ты больше меня не любишь. Ведь, так?

– Так. Все закончилось Коля, давным-давно, прошло и отжило.

– Я люблю тебя Рита, до сих пор люблю. Знай. И если ты передумаешь, вот это,-Николай аналогичным жестом указал на Семена. – Меня не остановит. Меня никто не остановит.

– Что значит-вот это? Я вам, что-вещь?

– Сем, помолчи, пожалуйста.

– Рит, лучше отойди в сторонку и прекрати обращаться со мной, как с барахлом.

– Мужик, ты извини меня. Я вчера, как то неадекватно реагировал. В ступор впал. Не ожидал, что Ритка мне изменяет,-и кулак Николая врезался Семену в челюсть.

Семен, не удержавшись на ногах от удара, влетел в злополучный стенной шкаф, створки которого с радостью поглотили свою жертву. Полка антресоли, как заключительный аккорд, обрушилась на голову мужчине.

– Коля, ты его убил!?!?

– Не знаю.

– Хрен вам!-Семен тихонько постанывал в шкафу.

– Живой! Коль, он живой!

– Ну, и Слава богу. Рит, я тебя поцелую в последний раз?-Николай прижал растерянную девушку к себе.

– Я сейчас сам тебя поцелую. Отвали от нее,-Семен выбрался на свободу и стоял прищурившись и морщась от боли. Левый глаз наливался синевой, на лбу были кровоподтеки, росла шишка.

– Мамочки мои,-Рита взвизгнула. – Семушка! Врача? Скорую? Семушка, не молчи.

– Перетопчусь,-Семен недобро смотрел на Николая.

– Мне ты вчера Ритуля скорую не предлагала! Что у вас? Любовь? Давно?

– Хоть бы и так! Уходя Коля-уходи. Не затягивай процесс, а то и обраточку можно схлопотать. По морде мне съездил, за дело–принято. Но я не железный, могу и не сдержаться.

– Мальчишки, пожалуйста, не надо.

– Чего не надо, Ритуля?

– Насилия. От вида крови меня мутит. Идите на улицу, там разбирайтесь, кто из вас альфа самец.

– Рит, мне уйти или остаться?

– Коля, прощай! Иди на свободу, к Марте Абрамовне, с чистой совестью.

– На него меня променяла? Да? Дрянь ты неблагодарная. Я тебя всю жизнь ждал, всю жизнь добивался. А ты меня на какого-то упыря, на первого встречного?!?

– Коль, ты же прощаться пришел. С чемоданом!

– Я думал, ты удерживать меня станешь. Остановишь!

– Да, что же это такое? Что за утро? Все правильно тебе Семен сказал–вали ! Фенита ля комедия. Продолжения не будет. Козел ты Коля. Сам меня бросил, предал, ради своей Дуры Абрамовны, а теперь претензии предъявляешь, плачешься. Как нечестно поступили с бедным еврейским мальчиком! Ты обо подумал? Каково мне было все эти годы? Что посеял, то и пожинай. Не желаю тебя больше видеть. Уходи-к маме, к жене, к детям. Оставь меня в покое.

– Ну, и дура ты Ритка! Еще прибежишь! Пожалеешь!

За Николаем захлопнулась входная дверь.

Семен застыл в дверях, не зная, что ему делать, то ли уйти вслед за Николаем, то ли подождать. Его раздумья прервали негромкие всхлипывания Маргариты.

Мужчина влетел на кухню. Девушка сидела на диване, поджав под себя колени, и тихонько скулила, как щенок.

Семен склонился над Маргаритой.

– Риточка, не плачь, не расстраивайся. Хочешь, я за ним сбегая? Верну его. Риточка? Ну, не надо. Вернется твой Николаша, никуда не денется. Приревновал, но любит тебя, сразу видно! Чуть голову мне не свернул!–Семен метнулся обратно в прихожую. – Рита, я сейчас, только не плачь.

Девушка повисла на Семене.

– Ты, что, Рит? Я мигом. Скажу ему, что ничего между нами не было, что я родственник Валерии, и ты просто меня здесь застала вчера. Глупое недоразумение. Он поверит.

– Не надо, не надо его возвращать. Пусть идет. Все закончилось и хорошо.

– Разве это хорошо? Ты расстроилась, вся в слезах.

– Я не из-за него. Говорю же, не родился еще тот мужик, из-за которого я заплачу.

– Что тогда? Почему ревешь?

– Леру вспомнила. Она всегда мне говорила, что, именно так, с Николаем все закончится. Я ей не верила. Где она? Что с ней?

– Не знаю, но мы ее обязательно найдем. Ты только из-за Леры разрыдалась? Николай не причем? Ты его любишь?

– Любила. Очень давно и очень сильно, но сейчас это все-пустое. Скажи мне Семен, лучше вот, что-мы сегодня кофе пить будем? Или как?

– Будем. Приводи себя в порядок, а я сварю.

– Какой смысл было целый час со мной препираться, устраивать обыск, получить по морде, если мог бы сразу, без разговоров, взять и сварить!

– Я учту. Морда и правда сильно болит. Только мне не понятно, даже, если бы я тебе сварил этот злосчастный кофе, как бы я избежал травм?

– Все просто, Семен, как белый день. Если бы ты сразу сварил, я бы не злилась, если бы я не злилась, то прежде, чем открыть дверь Николаю, тебя бы спрятала.

– Где?

– В стенном шкафу, разумеется!

– Рита, ты ненормальная.

– Можно подумать, ты адекват,-девушка бормоча, что-то себе под нос, открыла морозилку и достала пакет.

– Вот, возьми лучше.

– Что это?

– Курица, кажется, но я не уверена, может быть, фарш.

– Рита, зачем мне мерзлая курица?

– Погрызешь.

Семен приоткрыл рот, но не найдя достойного ответа, вертел пакет с мороженной провизией в руках.

– Сем, если грызть не хочешь, к глазу приложи–отекает, больно смотреть.

– Ааа, ты в этом смысле?!? Да, правильно, надо что-то холодное. Кроме куры ничего, попроще, нет?

– Выйди на балкон, там минус 25, может околеешь.

Рита, снова, открыла створку морозилки.

– Нежные все, пендитные, не угодишь! Не хочешь куру, могу дать мексиканскую смесь или брокколи. Давать?

– Не надо.

Перепалку влюбленных прервала трель звонка.

– Ты кого-то ждешь?-девушка растеряно смотрела на Семена.

– Я?!?-Семен нервно озирался. – Я, нет!

– Вот и я нет. Кто там? Как думаешь, может Лера?

– Не знаю. Сиди на кухне, в этот раз открывать мне.

– Нет, уж. Пока Лера отсутствует, хозяйка и владычица морская здесь я, и гостей мне встречать. Кто его знает, вдруг, Николаша, что забыл?

– Тем более, я открою.

– Сема береги последний глаз! Здоровье, по нашим временам, вещь бесценная, в том смысле, что дорого обходится. Я теперь буду ласково звать тебя-Циля.

– Почему Циля?

– От полного-Циклоп. Не хочешь Циля, могу-мой Соловушка.

– А, Соловушка почему?

– От Соловья Разбойника.

– У того зубов не было.

– Не проблема! Николаша сейчас этот недочет устранил. Видал, как его проняло? Он тебе и второй глаз пододбьет, и зубки сосчитает. С них неврастеников–станется.

– Рита, да открой уже! Звонок визжит так, что голова разламывается.

– Голова у тебя разламывается, потому что тебя антресолю шандархнуло. И главное ни обморока, ни сотрясения. Она у тебя, что дубовая?

– Ты первая женщина, которой я не нахожусь, что ответить.

– Скорее ты-очередной мужчина, который не знает, что мне возразить.

– Последнее слово, всегда за тобой остается?

– Конечно, милый! Привыкай! Тебе со мной еще век коротать.

В дверь забарабанили кулаком.

– Точно Николаша. Ну, все Семушка–молись и прыгай в окно.

– Много чести будет. Открывай, не томи. Сейчас посмотрим, хорошо ли Колян летать умеет? Пятый этаж говоришь. Ну, ну!

– Иду, иду. Вы мне дверь снесете.

Шелкнул замок. Рита ойкнула.

– Мужчина, вы кто?

– А вы кто?

- Я первая спросила?
- Где Лера? Лера здесь, дома? Я пройду?
- Эй, вы куда? Куда? Мужчина, стойте. Я сейчас полицию вызову. Семен иди сюда.
- Сашка, привет. Ты, как здесь очутился так быстро?
- Не поверишь, на самолете! Здорово, Семен. Что ты тут делаешь? И кто это девушка в простыне? Где Лера?
- Вы Александр? Давайте, знакомиться. Я–Маргарита.
- Очень приятно. Маргарита вы мне не ответили. Где Лера?
- Это я у вас хочу спросить?
- Я не знаю. Я, только что прилетел.
- Ответ не верный. Даю вам еще один шанс и вторую попытку-последнюю. Не будет разумительного ответа, я мигом сдам вас в полицию.
- Рит, за что его в полицию?
- Во-первых, за вторжение на территорию частной собственности, а во-вторых, за похищение человека.
- С тем же успехом и я могу вызвать полицию. За вами, как и за мной–вторжение на территорию частной собственности, еще и в полуголом виде.
- Нестыковочка, господин хороший, у меня ключик имеется, хозяйкой помещения собственноручно при свидетелях выданный. И мое полуголое состояние вас совершенно не касается.
- Да, Сашок, ты аккуратней на поворотах,-Семен переводил растерянный взгляд с друга на невесту.
- Не поверите Рита, у меня тоже ключик от этой квартирki имеется, и так же, как и у вас, выданный мне лично хозяйкой апартаментов.
- Почему тогда своим ключом не открыли? Зачем в дверь барабанили?
- Вы на щеколду заперлись и не открывали! Я подумал, вдруг, случилось что.
- Ключик предъявите!
- Пожалуйста!-Саша демонстративно протянул Рите ключ. – Еще вопросы есть?
- Разумеется. Ключ, при свидетелях получили?
- Гм, нет. Лера мне просто так отдала.
- Вот вы и проговорились. Я вызываю ПО-ЛИ-ЦИЮ.
- Рита, прекрати. Что ты заладила–полиция, да полиция.
- Сем отвяжись от меня. Вдруг он черный риэлтер.
- Какой я риэлтер?
- Черный!
- Вы в своем уме?
- Уж, извините, на милого Чебурашку, который искал друзей, вы не тянете.
- Сем, эта шальная девушка, вообще, кто?
- У вас Александр с памятью проблемы? Окей. Представлюсь еще раз. Я Маргарита-подруга Валерии, девушки, которая пропала, примерно, неделю назад, после того, как закрутила с вами интрижку. Так, понятно? доходчиво? И скорее всего, вы последний, кто ее видел живой и здоровой.
- Рита тяжело вздохнула, и поправила край простыни, которая сползала все ниже и ниже.
- Рит, ты бы оделась. Неудобно. Мы ведь не одни.
- Сема, мне плевать на вас обоих, эту чертову простыню и прочие тонкости этикета. Я хочу получить ответы на свои вопросы от твоего разлюбезного Александра и кофе от тебя лично. Яволь? Компрене? Понятно?
- Да, получишь ты свой кофе, получишь. Загрызла уже меня за него.

– Если тебе что-то не нравится, забирай своего дружка, курицу и отчаливайте. Только шкаф сначала почини.

Семен схватил свою куртку, кинул на стол купюру.

– Вот, возьми на кофе и мастера–шкаф починить. Сашка пошли отсюда! Пошли, говорю! Я тебе все объясню по дороге. Леры, здесь все равно нет. И если она подруга этой мегеры, то наверняка точно такая же.

– Семен! Леру не трогай.

– Саш, идем.

– Скатертью дорога и попутного ветра в горбатую спину.

Семен вылетел из квартиры, громко хлопнув дверью. За ним вышел Александр.

– Стерва безмозглая, дура набитая,-мужчина перепрыгивал через две ступеньки и в считанные секунды очутился на улице.

– Семушка, Семушка, вернись! Вернись любимый.

Мужчина остановился, поднял голову, и на него обрушился поток ледяной воды. Рита довольная стояла на балконе с пустым ведром и победно им размахивала.

– Малыш, знаешь приметку? Если встретил даму с пустым ведром, все, пиши пропало-удачи не будет,-и ведро спланировало вслед незадачливому кавалеру. Следом, точно снежинки, посыпались обрывки разорванной купюры.

– Деньги свои прихвати, авось склеишь, мороженку купишь! А, курицу, придурок, верни! Не твоя, не ты покупал.

Только в этот момент Семен обнаружил, что сжимает в руках, как боевой трофей, мерзлый трупик пернатой

– Тьфу, ты,-Семен сплюнул на землю и пошел к своему авто.

– Сем, Сем. Ротный! Подожди меня.

Александр хромал сильнее обычного, то и дело останавливаясь на ходу.

– Что здесь происходит? Кто эта сумасшедшая?

– Моя невеста!?!

– Твоя кто?

– Невеста. Бывшая. Пошли в машину, видишь я весь мокрый! Холодина, зуб на зуб не попадает.

– Ты когда успел?

– Успел, что?

– Поджениться!

– Дурное дело-не хитрое. Или ты думаешь, только вы с Теодоркой влюбляться-разлюбливаться можете? У меня, еще тоже, порох в пороховницах имеется.

– Ротный, ты что? Я же пошутил. Ты серьезно, что-ли? С этой Ритой?

– Серьезно.

– Давно ты с ней? Про нас с Теодором все знаешь, а сам молчишь, как партизан, не признаешься, что дамой сердца обзавелся.

– Со вчерашнего дня.

– Что со вчерашнего дня?

– Я с ней и она со мной! Со вчерашнего дня, точнее, вечера. Что рот раскрыл–ворона влетит.

– Я, как-то не ожидал от тебя такой прыти. Ты невестой почему ее называешь, если только познакомился?

– Жениться хочу, но вот как-то не выходит,-Семен развел руками и закурил. – Впрочем, как и у тебя. Это Теодор у нас женится-разводится, разводится-сходится, а мы, как два бобыля. Так и порем!

– Сем, прости, ты мне потом расскажешь про себя и Риту. С Лерой, что? Что здесь случилось, где она? Уехала? Или с Тимуром?

– Ох, Сашка, мутная история здесь произошла. Слушай, что мы с Ритой вчера раскопали. Теодор узнал про вас с Лерой, скандал закатил. Ты, видимо тоже, ей сцену устроил, и вы с Тимуркой разбежались в разные стороны. Лера осталась одна в квартире. С этого места в истории пробел. Больше ее никто не видел, кроме соседки. Та, говорит, что Лера ей велела кота кормить, и якобы, улетела в командировку в Москву. На этом все. Леры нет, вещи все в доме, ничего она с собой в ту Москву не взяла, в джинсах и свитере улетела. Мобильный разряжен, валяется на подоконнике. Еще записка есть для Риты, в ней сказано, что она Михаила-мужа своего бывшего решила разыскать, будь он трижды неладен.

– Подожди, подожди. Я рано утром, после ссоры, мириться приехал, Леры уже не было. Соседка мне сказала, что Лера с женихом, то есть с Теодором, в Москву отправилась.

– Да, нет ее с Теодором. В том и беда.

– Ты уверен? Что она не с ним?

– Тельняшку рвать на себе не буду. Но не похоже, чтобы они были вместе. Я вчера звонил Тимур, он пьяный в хлам. Сказал, что гуляет на собственной свадьбе во Франции.

– Где?

– Во Франции. В Париже! В гости хочешь? Друга поздравить!

– Так, может, они свадьбу и отмечают?

– Может и отмечают. Втроем. Там еще и Танька!

– А эта, там что забыла?

– Не знаю. Я тебе пересказываю, что мне вчера наш друг в состоянии полнейшей эйфории поведал. Если тебе интересно мое мнение, то соседка-дура старая, из благих побуждений Тимурке, который, тоже, приезжал к Лере мириться, сказала, что Лера укатила в Москву с тобой. Тимур не ты, он молча страдать и маяться не привык, Таньку в охапку и в Париж. С глаз долой из сердца вон, к водке и сексуальным утехам. Ну, а ты, как истинный рыцарь с больной ногой и раненым сердцем-в Чехию. Лера, распахивавшись и обидевшись на вас обоих, решила к мужу вернуться, которого сначала надо найти на бескрайних просторах нашей Родины.

– Занятная история, только, правдоподобного в ней мало. Лера не истеричка. Я был готов к чему угодно, но только не к ее исчезновению. Не верю я,-Александр затыкнулся сигаретой. – Сем, позвони, пожалуйста, Теодору.

– А сам чего? Деньги на телефоне закончились?-Семен невесело улыбнулся. – Так и будешь с ним теперь в контрах на веки вечные?

– Так и буду. Он мне Леру не простит. А я ему ее не отдам, если она сама его не выберет. Зачем я в тот день его послушал? Почему ушел? Как мог поверить?

– Поверить, во что? Что произошло между вами? Сцепились опять?

– Тимур сказал, что спал с ней.

– Вот, козел!

– Я ему поверил. Леру обидел, ушел.

– Не было между ними ничего. Это Тимурка от злости брякнул, заревновал.

– Мне все равно! Было, не было.?!? Кто я такой ее судить?

– Я тебе говорю, успокойся и в голову его сказки не бери. Ничего не было между ними.

– Откуда знаешь?

– Я же у вас вроде жилетки, в которую вы регулярно плачетесь. Отшила Лера его, отказала. Я догадываюсь теперь почему.

– Почему?

– Из-за тебя. Странный роман вышел у вас-на троих. Ладно, хватит трепаться, сейчас Теодора наберу. Будем надеяться, что он проспался и с похмелья накатить по-новой еще не успел,- Семен достал телефон. – Не отвечает-гад.

- Набирай еще.
- Понятное дело.
- Да, алло, говорите.
- Тимурка, ты что скрипишь, как не смазанная телега?
- Это кто?
- Конь в пальто! Ротный твой. Почему отвечаешь боец не по уставу?
- Семен, ты что ли?
- У тебя есть еще один ротный?
- Не помню! Может и есть? Ротный, а я сейчас где? Ты не знаешь?
- Знаю! В Париже!
- В Париже? Это, который на Невском?
- Это, который во Франции?
- Во Франции?
- Да, Теодор, во Франции, самой, что ни на есть французской Франции. Не тупи. Я думал ты уже проспался после вчерашнего.
- А что вчера было?
- Семен выругался.
- Ты с помпой и шиком женился.
- На Лере?
- Семен выругался еще раз.
- На Таньке!
- Зачем? Я, что больной? Ты меня разыгрываешь? Зачем мне жениться на этой корове?
- Тимур, ты меня сейчас доведешь до белого каления своими идиотскими вопросами. Короче, иди в душ, пей кофе, ориентируйся на местности, разбирайся с молодой женой и через час мне перезвони. И даже не вздумай отключить телефон, ты мне позарез нужен.
- Случилось что?
- Случилось. Перезвонишь, когда придешь в себя, и я все тебе расскажу.
- Семен первым прервал разговор.
- Да, Сашок, все будет гораздо сложнее, чем я думал в начале. Пока что, наш друг в дело употреблен быть не может. Ни черта не помнит о вчерашних возлияниях. Поехали перекусим, я ему час дал с мыслями собраться, и еще раз попытаемся выяснить, где он и с кем. Надеюсь, он к тому времени разберется, где забухал и на ком женился.
- Поехали. О, смотри, это не твоя невеста на прогулку отправилась?
- Рита?!? Где?
- Да, вон?
- Где? Я не вижу?
- Сем, у тебя повылазило? Из подъезда вышла.
- Эта красотка, моя Рита?
- Александр удивленно таращился на друга.
- Не, ну а что такого? Я ее при параде и не видел никогда. Так и быть, такую красоту придется простить за все ее выходки и закидоны.
- Рита и правда была хороша. Кожаные черные брюки сидели на ее миниатюрной фигурке, как влитые, подчеркивая каждый изящный изгиб. Куртка, подбитая чернобуркой, и высокие сапоги на тонкой шпильке, завершали образ роковой красотки. Следом за девушкой из соседнего подъезда вышли двое мужчин. По виду они напоминали гастарбайтеров из солнечных республик.
- Дэвушка, дэвушка! Как заавут?
- Дэвушка. Да, стой ты! Не слышишь, что ли? Достойные люди к тебе обращаются! – один из кавказцев схватил Маргариту за руку. – Стой, говору. Гордая, какая. Я-Рафик!

Рита попыталась вырвать свою руку, но Рафик вцепился в нее крепко и недобро улыбался.

– Что, рыбка, попалась? Я тебя сегодня жарить буду!

– Ай, йай, пусти, пусти! Алихман, что стоишь, помоги! Ай, йай.

– Да, не поможет тебе твой Алихман! Тебе сука, уже никто не поможет. Кланяйся девушке, проси прощения. Ну?!? Проси, говорю?!?

– Дэвушка, пошутиль я, пошутиль, ничего такого! Мужик пусти, по-братски. Больно.

Семен ослабил захват. Кавказец растирал вывихнутую руку и нервно озирался по сторонам.

– Алихман гдэ?

– За углом, в отключке, валяется. Забирай своего кореша, и валите.

Рафик пятясь назад, скрылся за углом дома.

– Рит, испугалась? Что молчишь? Испугалась? Не бойся, я же с тобой!

– Сема, ты мокрый, можешь замерзнуть и заболеть. Пойдем домой, я тебе отогреть буду и обедом горячим накормлю, раз кофе мы с утра не попили.

– Не отравишь?

– Нет. Беречь буду, как зеницу ока.

– Что-то изменилось?

– Изменилось. Последний раз за меня заступался папа в восьмом классе. Ты, что к этому Рафику полез, я бы и сама справилась.

– Справилась бы она?!? Уверена?

Рита тяжело вздохнула.

– Конечно, уверена. У меня черный пояс по сковородам, третий дан по скалкам, ну и приемам самообороны мы Леркой в одной милой школе научились.

– Ты мне предлагаешь стоять и смотреть, как двое ублюдков нагло пристают к моей любимой женщине?

– Я тебе предлагаю вкусный обед и парить ноги в горячей воде с горчицей. Идем домой.

Где твой друг?

– Кто? Сашка? В машине.

– В машине?!?

Рита бросилась к внедорожнику Семена.

– Как вы могли его бросить? У вас хотя бы капля стыда или совести есть?

– Рита, вы о чем? При чем здесь совесть?

– Ну, да! Вы и слова такого не знаете-совесть. Откуда она у вас?

– Ритуля, почему опять на Сашку кричишь?

– Он же тебя бросил?

– Когда?

– Только что! Их двое, а ты один. А если бы у них был нож, а если бы пистолет?

Мужчины переглянулись, их обуял безудержный приступ смеха. Рита непонимающе поджала губы и молча ожидала окончания приступа веселья.

– И чем я так развеселила господ? Вроде бы хвоста у меня нет? Копытами по земле не стучу! В чем дело?

– Маргарита, наш ротный, запросто, справляется с пятью вооруженными до зубов мужиками. И какой-то Рафик, ему так-руки размять и бывшее вспомнить.

– Кто такой этот ваш ротный и он тут, вообще, причем?

– Это и есть Семен. Вы не знали? Ваш жених участвовал во многих боевых действиях, по горячим точкам помотался, награды имеет.

– Ладно, Саш, брось. Ты что мне презентацию устраиваешь, будто я последняя модель Лады Калина, не в приличном обществе, конечно, будет помянута.

– Я думаю, Маргарита имеет право знать с каким геройским парнем связывает свою судьбу и биографию.

– Ой, да ну вас. Заморочили мне голову своими байками. Что на морозе стоять? В ногах правды нет! Пойдемте лучше пообедаем,-Рита, круто развернувшись на высоких каблуках, пошла к подъезду. – Что встали? Я два раза приглашать не стану.

– Пошли Сашка, отобедаем! Тогда и с Теодоркой в домашней атмосфере, на сытый желудок говорить будет приятней.

В квартире Рита развернула бурную деятельность. Заставила Семена принять горячий душ, накрыла стол, который больше напоминал праздничный.

– Рит, это ты все приготовила?

– Да, а что?

– Нет ничего. Очень вкусно! Прямо, очень! Ты когда успела? И борщ, и котлеты и пирожки?

– Что там успевать? Я же тебе вчера говорила, когда волнуясь, начинаю готовить. Дурацкая привычка. У меня была вся ночь.

– Ты ночью борщ варила?

– Думаешь, я смогла бы уснуть после вашего с Николасей мракобесия?

Александр сидел молча, не принимая участия в беседе влюбленных.

– Саша, вы почему не кушаете? Не вкусно? Вам не нравится?

– Все ему нравится!

– Я не тебя спрашиваю. Саша, вы меня слышите?

Семен пнул друга под столом ногой.

– Что вы спросили? Нет, кофе я не буду, благодарю. Все очень вкусно.

– Александр, какой к черту кофе? Вы сейчас на какой планете.

– Не знаю. Извините меня Рита, все действительно замечательно, но кусок в горло не лезет.

– Правильно, что не лезет. Не надо было Леру обижать.

– Не надо было.

– Рит, прекрати! Что ты ему соль на раны сыпешь? Если бы можно было все изменить, то...

– Да я бы ему и хвост солью засыпала. Лера она чудная, тонкая, замечательная. Вы ведь ничего о ней не знаете. Ей крепко досталось, хлебнула горяшка. Родителей в 16 похоронила, бандиты прохода не давали. Бабушка-единственный родственник, который у нее остался, умерла, когда Лере 20 исполнилось. Мишка, муженек ее, падла проклятая, всю жизнь ей искалечил, а девчонка не сломалась, всего сама добилась-трудом каторжным. Вы знали это Саша? Знали? Отвечайте?

– Нет, не знал.

– Вы и знать, скорее всего, не желали. Она мне про вас и ваши отношения, особенно, ничего не рассказывала. Но зная ее характер, как она чужие беды да горести на себя берет, вам в лицо скажу. Ей вы, небось, все про себя вывалили, а в ее душу не заглянули, не досуг было! Так, ведь?

– Так.

На кухне воцарилось молчание.

– Рита вы во всем правы. Но может быть, вы расскажете, что за человек был ее муж, и что между ними произошло на самом деле? В записке Лера говорит, что уехала его искать. Необходимо понять так ли это на самом деле.

– Да, так, так! Я всегда боялась, что этим дело закончится. Не выдержит, начнет его искать. Сука он порядочная. Я не хочу всех подробностей рассказывать, не имею права. Сама вам расскажет если захочет. Если вернется,-Рита всхлипнула.

– Рит, прекрати. Найдется Лера, конечно найдется.

– Вы не понимаете! Вы не знаете! Он садист, изверг, фашист. Им нельзя встречаться, никак нельзя. Любил он ее безумно, и так же ревновал. Словно бес в него вселялся, стоило к Лере кому-то из мужчин подойти или заговорить. Тот день, когда Михаил исчез, закончился для Леры сотрясением мозга, сломанными ребрами и рукой. И это не самое страшное. Он бил ее хлыстом, как собаку. Спина, голова, ноги-места живого на Лерке не было. Теперь представьте, что будет, если она его найдет?

Что Сашенька побелела? Страшно стало? И знайте, всю эту кашу вы с Теодором заварили, из-за вас она... Лучше бы и не было вас никогда в ее жизни, Рита не смогла продолжить, голос сорвался, девушка заплакала.

– Рит, не нагнетай. Михаила еще найти надо.

– Она знает где его искать?

– Что вы сказали?-Александр побелел еще сильнее. – Повторите!

– Что слышали! Лера знает где Михаил.

– А, вы? Рита, вы знаете?

– Я нет. Она мне так и не сказала. Отмалчивалась всегда.

– Тогда с чего ты решила, что Лера в курсе?

– Сема, я что дура? Я, что не видела, с какими глазами она о нем говорила, вспоминала? И к тому же, однажды, Лера упомянула, что знает куда он ушел, но когда я начала расспросы, отшутилась. Я то думала у нее хватит ума эту историю похоронить.

– Рита, вы, даже приблизительно, не представляете где он может быть?

– Даже приблизительно, не представляю. Михаил человек состоятельный. Конечно, когда ушел о Лере позаботился, так сказать, компенсировал ущерб. Оставил квартиру, машину, прибыль от продажи бизнеса, но я думаю, это не единственное, что у него было. Как вы понимаете, Лерка ничего не взяла, счет открыла на его имя, и все активчики туда перевела. Сказала: «Пусть лежит до его возвращения».

Предвкушая ваш вопрос, скажу, что я первым делом, когда ее записку прочла, эти бумаги проверила. Лежат на месте, целехонькие-все договора на открытие банковского счета, все выписки, ничего не пропало. И что самое любопытное, в чем была в том и исчезла.

– Ты, что все ее вещи до единой знаешь?

– Семен, если ты не в курсе, у меня сеть собственных ателье, и какое-никакое имя в мире моды. Лера мой постоянный клиент. Почти весь ее гардероб-это мои коллекции, многие вещи разработаны для нее, единичный экземпляр.

– У тебя сеть ателье?

– Да.

– Насколько крупная?

– Это имеет значение?

– Конечно, имеет.

– Какое?

– Твой доход должен быть меньше моего.

– Да, Семен, мое предположение о твоей контузии-верно. И о том, что ты ку-ку и неадекват, это тоже про тебя. Если тебе так интересно, вот сумма, которую приносит мне мой бизнес в год,-и на картофельной запеканке Рита ножом вывела сумму.

Семен кисло улыбался, Александр удивленно приподнял бровь.

– В принципе, нормально. Для ателье-солидно!

– Мальчики, вы меня не поняли. Это не рубли. Это евро.

Саша присвистнул. Семен совсем загрустил.

– Чем-то мы ротный с тобой в жизни не тем занимаемся.

– Завидуйте молча. Сема, чтобы у тебя не было комплекса неполноценности, скажу-основное вложение, в самом начале, сделал мой отец. Так, что базис мне дали, а дальше сама, все сама.

Беседу прервал звонок телефона.

– Теодорка, очухался. Алло, супермен, это ты? Это человек паук-прием!

– Сем, кончай свои шутки! Я сейчас не расположен к юмору и юмористам.

– Значит, женился, таки! В пятый раз?!? Мы тебя искренне поздравляем!

– Мы это кто? Кто там меня так искренне поздравляет?

– Я и Сашка.

– Не говори мне про него.

– Не хочешь, не буду. Как невеста? Ягодка?

– Ага. Волчья. Пока я спал полностью опустошила две кредитки. Как? Как такое возможно? Причем, всего за два часа! Весь номер бараклом завален-труссы, платья, лифчики, духи, и снова на шопинг собирается. Я уже Стасу-нашему юристу позвонил, чтобы начинал дело о разводе. Жесть.

– Быстро ты в этот раз. Стареешь?

– Семен, говори, что хотел. Я тебе уже сказал мне не смешно.

– Лера пропала. Ты, что-нибудь о ней знаешь?

– Ну, надо же!-Голос Теодора заметно повеселел. – И это я –быстрый? А Сашок тогда, что-реактивный? Моя то женушка со мной в постельке, а его невестушка где? Тю-тю? Смылась под шумок или нового кавалера завела?

– Почему ты решил, что Лера ушла от Сашки?

– Ты же сам сказал.

– Я сказал, что она пропала, из собственной квартиры, ночью, после вашего скандала.

Воцарилась тишина.

– Теодор, Теодор. Алло, алло!?! Ты куда пропал?

– Да, решаю, как мне тебе из Парижа морду набить, за все твои сегодняшние приколы.

Я думал, и правда, что-то случилось.

– Пропажа Валерии в число экстренных происшествий не входит?

– Семен, прекрати идиотничать. Уехала твоя Лера, с твоим же дружком, в Москву. С него спрашивай.

– Не уезжала она ни с кем, никуда.

– Мне соседка сказала!

– Старая карга из квартиры напротив?

– Ну, да.

– Так она не в своем уме. Ты об этом не подумал?

– Не подумал. Выходит, Лера, с Сашкой не уезжала, не улетала, не вместе они? Голос Теодора стал еще веселей? Во, дела!

– Нет, не вместе. Ее нигде нет, и никто ничего о ней не знает.

– Ерунда! Не может быть! Спроси Сашку.

– Сто раз спрашивал. Ему соседка то же самое сказала, что и тебе. Якобы, Лера улетела в Москву с женихом, то есть с тобой. И он так же, как и ты свалил-не солоно хлебавши.

– Подожди Сема, если она не с ним и не со мной, тогда с кем? Где она?

– Дошло наконец, Аллилуйя! Ангелы в раю рыдают от умиления. Давай сначала разговор начинать. Что ты знаешь о Валерии и этой истории?

– Я приехал утром, поднялся на этаж, звонил, стучал, вышла бабка из квартиры напротив и сказала, что Лера улетела с Сашкой в Москву. Я психанул, вызвонил Таньку, быстренько тур первый попавшийся купил, и мы улетели. Все! Больше я ничего не знаю.

– Понятно.

- Сем, что совсем никакой информации?
 - Совсем. Никакой. Всех кого я мог-подключил. Она не уезжала на поезде, не улетала на самолете, машина на стоянке, мобильный не взяла.
 - О, а подругу, подругу ее ты спросил? Маргариту!
 - Рита рядом со мной. Тоже, ничего не знает.
 - Так не бывает, чтобы человек бесследно исчез, чтобы ни единой зацепочки.
 - Одна есть.
 - Говори.
 - Записка Валерии, в которой говорится, что она отправилась искать Михаила-своего бывшего мужа.
 - Не может быть? Да, вы, что? Какого мужа? Он маньяк.
 - Тем не менее, в записке она пишет о нем.
 - Нельзя допустить, чтобы они встретились. Я видел фото того, что он с ней сделал десять лет назад. Вылечу первым возможным рейсом.
 - Как хочешь. По-большому, счету ты здесь не нужен. Наслаждайся медовым месяцем в городе всех влюбленных. Я дал своим ребятам запросы. Вся информация проверяется. Сейчас отслеживают автобусы, туристические агентства, и прочие возможные варианты того, как она могла уехать. О пропаже мы пока не заявляли, но, наверное, надо сообщить. Пусть, официально начинают розыск. Мы очень надеялись, что вы вместе.
 - Я прилечу завтра, максимум послезавтра.
 - Зачем?
 - Я люблю ее и никому не отдам.
- Александр, слышавший весь разговор, устало закрыл глаза.
- Лерочка, где же ты, малыш? Где?

Глава 3

Лера, с трудом, открыла глаза, руки тряслись. Девушка ничком лежала на снегу посреди лесной поляны. Рядом с ней горело пламя костра, кто-то пел тихим голосом.

– Кто здесь?

– Не признала меня, милая?

– Славия? Вы?

– Кому же еще тебя встречать, как ни мне?

– Где я?

– Дома! Только, много веков назад. Вставай! Студеная земля негоже разлеживаться. Так и до лихоманки недалече. Пойдем в избу, там я тебе отвар целебный приготовила, знаю, что ты сейчас испытываешь.

– Знаете?

– Конечно, милая. Не ты одна между мирами да веками перемещаться умеешь. Пойдем, говорю. Опирайся на меня, моя избенка близехонько, быстро дойдем.

В избе было тепло от жарко натопленной печи. Лера никак не могла согреться, девушку лихорадило.

– Эх, ма! Это же надо было так вырядиться! И я стара-хороша, тулупчик тебе не догадалась прихватить. Кто же думал, что ты в летнем наряде в зиму явишься. Пей, живо! Сейчас согреешься и все, как рукой снимет.

– Что это? Кофе?

– Ага, черный! Арабика-крупного помола, средней обжарки. Балда! Десятый век на дворе! Про кофе на Руси еще не слыхивали. Отвар целебный, на травах.

– Десятый век?

– Он, голубушка, самый. Точнее, его конец.

– Славия, а Миша где?

– Кто его бобыля знает? Бродит где-то себе, по обыкновению. Лютого ищет.

– Как это? Я же к нему шла. Его искала. И почему бобыля?

– Кто он, если не бобыль? Один живет, как перст. Ни избы, ни жены, ни девки. Об тебе, наверное, все печалится.

– Раз про него знаете, значит он здесь бывает?

– Захаживает. Иногда, живет у меня, недолго. Все молчит. Первое время, в лесу-на заимке княжеской обретался. Тебя ждал. Каждый вечер на поляну ходил. Костер разведет и смотрит, смотрит на пламя. Потом перестал и несколько лет не было о нем ни слуху ни духу. Он ведь между мирами ловко ходить научился, может, и не здесь был вовсе. Недавно воротился и меня к тебе отправил. Ты нашу встречу и гадалку Славию на всю жизнь запомнить должна,- старуха засмеялась.

Лера улыбнулась в ответ.

– И не говорите! Страху натерпелась с вашей помощью, думала, что с ума сошла. Миша, вас отправил ко мне? Зачем?

– Предупредить. Зачем же еще? Время на исходе. Двое скоро погибнут. Кто эти двое, решать тебе, девонька.

– Я ничего не понимаю! Я запуталась! Почему я должна, что-то решать?

– Ты заварила, тебе и расхлебывать!

– Я!?!

– Лерочка, обрывки истории ты уже знаешь, пора узнать ее целиком, всю, без утайки.

– Вы мне расскажете?

– Рассказать не расскажу. Смотри лучше сама, своими глазами. Кто ты, какого роду племени, что произошло во времена стародавние, когда была ты не Валерия Сергеевна – финансовый директор крупного предприятия, а простая деревенская девочка – Милана, дочь Михася и Любани.

Как по волшебству, перед Валерией возникла чаша, наполненная водой, – Лера, удивленно отшатнулась.

– Неужели, никак не привыкнешь к чудесам? Пора бы уже! Клинок у тебя есть, чуть надрежь палец, капни кровь в воду.

Лера исполнила все, как велела старуха.

– Смотри, Лера, внимательно! Ничего не упusti! Судьба, теперь, в твоих руках.

– Чья?

– Твоя собственная и того, кого любишь больше жизни своей.

Глава 4

– Тятя! Тятя, куда мы идем? Ты обещал, что скажешь, а все молчишь. И мамка, зачем пирогов столько напекла? Еле корзину тянем! Кому в лесу пироги нужны? Ну, тятя! Ну, скажи! Лешаку? Русалкам? Так, мамка их не жалует. Им бы она так не старалась. И с грибами, и с ягодами, и курник.

Михась повернулся к дочурке, потрепал по волосам.

– Плат потуже оберни, все косы наружу. Сейчас Лешак схватит и унесет, не откуплюсь я от него пирогами.

– Не унесет, он добрый. Пойдем домой я устала. Мы так далеко с тобой никогда не уходили. Вот, я мамке скажу, она тебя заругает!

– Не скажешь, ты у меня добрая. Пришли мы уже дочка. Вишь изба какая! Не изба, а хоромы настоящие.

– Ничего не хоромы, у нас дома лучше. Мне здесь не нравится. Пошли домой, тятя. Мне страшно.

– Это твой новый дом девочка,-из-за раскидистого дуба вышел Лютый. – Молодец, Михась! Сдержал слово! И я свое сдержу. Как за родной за ней смотреть буду, всему, что сам знаю-обучу. Ведьмой дочь твоя станет. В богатстве и почете жить ей суждено. Верь мне Михась и не страшись, Милану отдавать. Вижу, как глаза твои горят, ненавидишь меня. Зря ты это. Судьба у девчонки сегодня вспять повернулась. Не бойся за Милану, уж коли ты без утайки ее привел, не спрятал, не сбежал, приходи, когда пожелаешь.

– Правду говоришь колдун? Как захочу прийти-смогу?

– Правду!-Лютый усмехнулся. – Только имей ввиду, дела тут странные твориться станут -ведовство, это тебе не лапти плести! Не забоишься?

– Ты за мой страх Лютый не переживай. Дочку береги. Коли, что случится с ней, я на твою волошбу не посмотрю, найду, где бы ты ни был! Хоть из под земли достану.

– Ладно, Михась, не серчай. Я тебе это к тому говорю, чтобы один ты приходил. Понятное дело, и деревенские из любопытства прибегут. Шило в мешке не утаишь, но у меня от глаз чужих много средств имеется. Будь аккуратней, когда к нам идешь.

Михась ничего не ответил Лютому, присел на корточки перед дочуркой.

– Миланушка, горлинка моя, я сейчас уйду, а ты останешься с ведуном. Верно он сказал–это твой новый дом.

– Тятя, за что ты меня ему отдаешь?-девочка не плакала, она лишь смотрела на отца широко распахнутыми глазами, не понимая, почему ее привели в лес и хотят оставить у чужого мужика. – Я же всегда по хозяйству помогала и много не ем никогда. Мамка всегда соседкам жалуется, что все дети как дети, а я ем, что птичка. Почему тятя? Я в лес бегаю без спроса, но я не буду больше. Не отдавай меня ему. Не отдавай!

– Милана, девочка, что ты такое удумала? Как такое в голову могло тебе прийти? Никто тебя никому не отдает. Что ты? Радость ты моя и мамкина! Просто, ты не такая, как все. Вспомни, и зверей ты понимаешь, и птиц лесных, и с Лешаком разговоры-разговариваешь, и в лесу всегда путь дорожку ведаешь. Нет таких в наших деревне, и во всем белом свете не сыскать. Вот, ведун тебя и заприметил, выбрал в ученицы. Волошбе выучит, а я к тебе приходиться стану, и Лютый тебя домой обещал отпускать.

– Не такая, как все? Какие они-все? Почему я не такая? Я не хочу. Я больше не буду ни с кем разговаривать, ни со зверьми, ни с птицами, только с ребятами. Не отдавай меня, тятя! Не отдавай!

– Михась, прощание затянулось. Тебе пора. Не рви сердце ни себе, ни девчонке.

– Твоя правда Лютый. Провизии я принес. Вам с Миланой надолго хватит. Пироги Любань напекла, караваи, крупа тут, мука да еще всякая снедь. Я буду заходить. Береги мою дочь, пуще себя береги.

– Сберегу. Иди, Михась. Легкого тебе пути.

Михась развернулся и быстро пошел от избы. На пригорке оглянулся, хотел в глаза дочери посмотреть на прощанье да не смог.

Милана сидела на земле, происходящее, казалось, больше не заботило ее. Девочка смотрела вдаль своими бездонными, синими глазами, из которых текли слезы.

– Сидеть долго собираешься? Заходи в избу!

Девочка не реагировала на приглашение Лютого.

– Упрямая! С характером! Ну сиди, сиди.

Через несколько минут из избы залиvisto лая, повизгивая и подпрыгивая, на ходу, вылетел щенок. С разбега, налетел на сидящего у крыльца ребенка, растянулся перед девочкой на пузе, тут же схватил край сарафана, стал тереть и поскуливать, прося с ним поиграть.

Милана недоверчиво смотрела на собаку.

– Песик. Ты откуда в лесу? Ой, а, что у тебя с лапкой?

– Ему ее сломали. Не ходил он. Я его подобрал. Лечу.

Милана, исподлобья, смотрела на ведуна, но отвечать не спешила.

Тем временем, пес потянул ноздрями воздух и залаял.

– Пироги учуял-шельмец. Вкусно пахнут. Угостишь? Или сама все съешь?

Девочка быстро сняла с корзины ветошь, достала пирожок, разломала.

– Кушай, кушай, Лешачок и расти большой.

– Как ты его назвала?

– Лешачок! Я дома всем животинам имена дала. Мамка ругается. Негоже говорит, скотину именами кликать. А, я тихонечко, чтобы никто не слышал.

– Лешачок, так Лешачок. Подходит ему имя. Смотри-егоза какая, уже доел, добавки выпрашивает.

Действительно, пес проглотив пирог, сыто облизывался и преданно смотрел в глаза ребенка.

Милана засмеялась.

– Умный и глаза честные-пречестные, а сам, то и дело, на корзинку косится.

Лютый улыбнулся девочке в ответ.

– Меня попотчуеть? С утра маковой росинки во рту не было, и печь я сегодня не растапливал. Забыл. Лешачку твоему травы целебные собирал, чтобы снадобье изготовить.

– Ты? Травы собирал? Врешь, поди?

– Почему вру?

– Разве мужицкое это дело травы собирать?

– Я не простой мужик, девочка. Колдун-я. Так, что? Пирогом угостишь?

– Ешь. Мне не жалко,-Милана протянула Лютому корзину. – Сверху с грибами, внизу сладкие с ягодой.

Лютый взял пирог, надкусил.

– Вкусно. Сама то, печь такие умеешь?

– Нет. Мамка к тесту меня не подпускает. Говорит–мала еще. Зато, ягоды и грибы для начинки я летом собирала, еле лукошки до дома донесли. Ты и правда, для Лешачка снадобье целебное сделаешь? И он поправится?

– Конечно, поправится. Он уже на своих лапах бегает. Зимой не вставал. Если хочешь, я и тебе покажу, как такую мазь изготовить. Ею и людей лечить можно.

Глаза ребенка загорелись интересом.

–Только Милана торопится надо, травы до заката целебную силу держат. Как солнце зайдет, считай, все пропало. Если хочешь мне помогать, бери Лешачка да заходи в дом. Сначала надобно отвар целебный запарить, а для того печь истопить. Ты печь топить умеешь?

– Умею–не ответила, а прошептала девочка.

– Тогда и с моей печуркой справишься. Пойдем в избу, что -ли. Или боишься меня до сих пор?

– Никого я не боюсь! Девочка поднялась, отряхнула крошки с одежды и решительно пошла к избе. Если бы она хоть на миг обернулась, то увидела, как довольно улыбается ведун.

– Эх, Лешачок, Лешачок, не зря я тебя зимой спас! Удружил ты мне сегодня братец. Еще чуток со мной в горнице поживешь, а потом все-на привязь отправишься. Твое дело-дом и хозяйку новую сторожить.

Пес внимательно посмотрел на колдуна, вильнул хвостом и залаял, будто отвечая: «А, то как же! Самое мое собачье дело- службу нести!»

Милана, насторожено, оглядывалась по сторонам. Из сеней девчушка попала в просторную горницу, окна в которой были огромными и занавешены чем-то прозрачным. Девочка подошла ближе, дотронулась рукой, то, что она приняла за занавеску, оказалось очень толстым и прочным.

– Эко диво!

Малышка отступила на шаг, перевела взгляд на обеденный стол-маленький, квадратный, он стоял у окна, и к нему были придвинуты три стула красного дерева с резными подлокотниками. На столе расположилась какая-то невиданная утварь, предназначение которой ребенку было неведомо.

– Как у князя в палатах белокаменных! Даже, тятя в сказках своих такого бы придумать не смог.

– Осмотрелась? Нравится?

– Что это? Девочка указала Лютому на окно.

– Это-стекло.

– Стекло?

– Да. Так на Востоке закрывают окна, чтобы в горнице было много света.

Я тебе потом расскажу и не о таких чудесах, если захочешь.

– А, на столе, что стоит?

– Фарфор, он из самого Китая. Тарелка, чайник, чашки. Ты из чего дома ела и пила?

– Из миски. Тятя на ярмарке купил, а еще и сам их летом режет. Он по дереву мастак.

У нас дома и глиняные есть.

– Ела из миски, станешь из тарелки, спала на печи, станешь в кровати, как у бояр жизнь твоя потечет.

– Я домой хочу. К маме! Отпусти меня,– губы ребенка предательски задрожали.

– Я не держу тебя девочка. Захочешь уйти, сразу уйдешь. Только, может, попробуешь? Погостишь? Кое-какой науке ведовской подучишься, чтоб отцу с матерью помогать. Занедужит вдруг кто, захворает али лихоманка приключится, или как с Лешачком–беда, ты помочь, завсегда, сумеешь.

– Разве я смогу?

– Конечно. У тебя есть дар, я чувствую это. Да, ты и сама знаешь о нем. Оставайся у меня до Купалы. После костров летних решишь-уходить или продолжить обучение.

– Ты меня отпустишь?

– Я, и сейчас, не держу. Иди Милана.

Лютый наклонился над печью, выгребая остатки вчерашней золы, давая понять, что разговор окончен.

Девочка озиралась по сторонам, не зная, как поступить. Вдруг, в избе раздался странный шорох, возня. Рядом с печью, в самом темном уголке, заухало: «Фыр-фыр-фьют, фыр-фыр-фьют.»

– Проснулся, Дикошарый? Тихо, тихо. Распречитался! Гостья у нас, не спугни.

– Лютый кто там?-Милана говорила шепотом.

– Испугалась? Не бойся. Совенок это.

– Настоящий?

– Какой же еще? Самый, что ни на есть, настоящий. В лесу подобрал. Один в гнезде сидел. Кроха. Оголодал совсем. Живет теперь со мной и Лешачком, улетать не хочет. Пойди посмотри.

– Можно?

– Тебе девочка, здесь, все можно. Разве забыла: гостю-место! Основной закон наших предков.

Милана аккуратно прокралась к печи и увидела совенка. Птица сидела в клетке и слеповато шурилась.

– Ух, ты! Лютый, я никогда в жизни столько чудес за один день не видывала. А, еще кто-нибудь у тебя есть?

– Есть. Конь-Варяг. Ты в седле держаться умеешь?

– Нет.

– Могу научить.

– Фыр-фыр-фьют, фыр-фыр-фьют,-совенок оживился в своей клетке и начал ее раскачивать.

– Цыть! Рано еще. День-деньской на дворе. Негоже тебе, ночной птице, до поры вылетать. Разбудили мы его с тобой, Милана, теперь, покоя не даст. Выпущу – не улетит. По дому начнет расхаживать да в каждый угол свой клюв совать. Ты, девочка, решайся, – или к мамке ступай, или ставь свои пироги на стол да помогай мне печь топить. Снадобье пора делать.

Останешься если гостевать у меня, за печью следить и снедь всякую готовить, тебе поручу. Справишься?

– Да.

– Остаешься?

– Ненадолго.

– Вот и молодец! Я знал, что ты не трусиха. Неси с крыльца дрова, а я пока травы достану.

Через полчаса печь весело дымила, горел в очаге огонь, в чугунке запаривался отвар для целебного снадобья.

– Запоминай Милана, как вода закипит, надо снять, чуть остудить да положить все травы, что я тебе показал, тепло укутать. Настоится, добавь Марьин корень. Мелко его истолки.

Девчушка оказалась не по годам сообразительной. Ведун обратил внимание на то, что малышка что-то нашептывала над травами, прикрыв глаза. Прислушался.

– Травы духмяные, от земли-матери взятые, росой умытые, ветром-батькой овейанные, солнцем ясным согретые. Дайте силушку свою целебную, силу сильную, живую, ярую, да от всякой хвори, недужницы, от лихоманки, мора да поветрий.

–Что ты такое шепчешь?

Милана вздрогнула, втянула голову в плечи.

– Я не знаю, оно само.

– И часто у тебя так само получается?

– Не знаю. Мамка всегда ругалась.

– Я не мамка, не заругаю. Все правильно делаешь. Травы заговаривать надобно, тогда и целебные силы их во всю мощь раскрываются.

Девочка приободрилась и продолжила нашептывать свой заговор уже не стесняясь, в полголоса. Истолкла корень, приложила руки к порошку, и словно, пропустила через него свою еще маленькую, но уже ведьмовскую силу.

Теперь, настал черед Лютого диву даваться. Таких учениц у него еще не было.

– Этому приему тебя кто научил?

– Никто,-Милана повела плечом. – Смотри Лютый какой порошок хороший вышел, ни одного крупного куска. Легко должен в отвар вмешаться. Можно я попробую?

– Рано еще. Настой не остыл. Давай ка, лучше, мы с тобой пирогов отведаем. Голодный я.

– Ой, конечно. У меня и узвар есть в кувшине. Только куда налить? -Милана оглядывалась.

– Ты же видела чашки на столе. Из них пить можно.

– Боязно.

– Нашла чего бояться. Иди к столу, накрывай. Хозяйка ты, отныне, в этом доме.

Малышка с важным видом подошла к столу и начала опасливо выкладывать провиант. Наскоро перекусив, ведун и его ученица вернулись к составлению целебной мази. Милана схватывала науку на лету.

– Все девочка на сегодня, сейчас наложим снадобье Лешачку на лапу и ветошью замортаем, чтобы лучше впиталось. Завтра подъем у нас будет ранним. До зари в лес отправимся. Ровно, с первыми петухами водицы в ручье наберем, и я тебе покажу, как человеку дороги открыть, коли в жизни он заплутал, али оморочили его, и заодно, морочить научу. Ты понимать должна, как лихо сотворить просто да снять потом тяжело.

С того дня Лютый стал учить Милану всему, что знал сам. Время летело, как на крыльях. Милана оказалась очень способной к ведовскому ремеслу, никогда не ленилась и впитывала знания словно губка.

Глава 5

Загорелись в деревне купальские костры. Поплыли венки по реке. Пришло, оговоренное Лютым время, когда должна была решить девочка, остаться ей с ведуном или нет.

Да, только, Милана давно позабыла, о том, что уйти хотела. Ей было хорошо в гостях у Лютого. Малышка с удовольствием выполняла все его поручения, первый раз в жизни ощутив, что вольна в своих мыслях и поступках. Лешачок и Дикошарый стали ей верными спутниками в лесных походах. Девочка подросла, окрепла, на щечках играл румянец, некогда затравленный взгляд исчез без следа.

Михась часто навещал дочурку. Первое время он приходил с опаской, подолгу расспрашивал дочь о житье-бытье: «Не обижает ли ее Лютый? Сыта ли?» – но со временем успокоился, перестал донимать ребенка расспросами.

Отец видел насколько хорошо его дочери в обществе ведуна и новых друзей. Любань не пришла к дочери ни разу, как не уговаривал жену Михась, та уперлась: «Не пойду и весь сказ.»

– Любань, как же так? Миланка о тебе спрашивает? Когда мама придет, когда мама придет? А, ты что? Почему не идешь? Дочь она тебе, – не ехидна! Ты пуще меня ребенка отдавать не хотела, теперь артачишься? Что я ей скажу?

– Скажи, как есть. Не могу, я колдуна этого треклятого видеть. Боюсь. Пусть сама домой приходит. Я ей баньку истоплю, пирогов напеку.

– Глупая ты баба, Любань. Не знал я, какая ты на самом деле.

– Не знал? Так, погляди! Думаешь, я не догадалась, кого ты в девчонке все время видишь. Почему среди других детей ее выделяешь? Раду свою ненаглядную не забудешь никак. Пусть живет Миланка в лесу среди зверья, там ей самое место. Хочешь ходить к ней – ходи. Моей ноги там не будет, и остальных ребят в лес не пушу. Ведьмовское отродье!

– Ополоумела? Это дочь твоя!

– Ни дочь она мне. Колдуну она родня, а мне ломоть отрезанный.

Михась вышел в сени.

«Вот оно как! Открылась правда. Долго Любань в сердце ненависть носила, долго сдерживала.»

Это я, дурень старый, во всем виноват! К собственному ребенку заставил мать ревновать. Ничего, пройдет время, утихнет жена, умилостивиться.»

Время шло, но ненависть Любани разгоралась все сильнее.

– Видеть ее не могу, – плакала женщина, собирая очередную корзину с провизией.

Муж хмуро брал поклажу и отправлялся в лес. Как у Любани горела в душе злоба против собственной дочери, так и у мужчины разгорелась ненависть к жене. Он забросил дом и хозяйство, и как в былые времена, уходил в старую кузню, где повстречал Раду. Лежал ничком на траве и вспоминал, вспоминал. Иногда, ему удавалось уснуть, в такие дни в виденьях приходила Рада.

Каждый раз сны были, словно наяву. Вот, Михась видит, как дают они с Радой клятву перед богами, да скрепляют их союз старшие рода. Вот, родился их первенец, Рада, над колыбелькой склонилась – счастливая.

Очнется Михась от снов таких, будто испил его кто до дна, соки высосал, а в сердце радость бьется. Пускай, на краткий миг, да счастлив он с любимой своей.

К зиме Михась, уже, не вставал. Забила тревогу Любань, побежала за Славией. Да, только, что травница сделает, коли жизненной силы не осталось у мужика? Одной ночью не проснулся вовсе.

– Что делать Любань думаешь? Как детей кормить станешь?

Женщина подняла мокрое от слез лицо на знахарку.

– Почитай месяц ушел муж за Калинов мост, а я все жду. Шаги его слышу. Как жить, Славия, без него не знаю. И с ним невмоготу было, и без него мочи нет. С весной уеду в родную деревню. Там все сродники мои, – они помогут. Не хочу здесь. По ночам мне все чудится, что бродит кто-то под окнами да женским голосом тихонько кличет: «Михась, Михась, иди ко мне любимый мой, это я – твоя Радушка.

– Устала ты Любань. У тебя и здесь сродников немало, зачем куда-то ехать? Подумай. Любят тебя в деревне.

– Сказала, уеду, значит уеду. С избенкой только, что делать ума не приложу. Может, какой поселенец найдется!

– Лютому предложи. Не век же ему в лесу обитать.

– Чтоб ему пусто стало, колдунице черному! С него в мой дом беда пришла да с этой гадиной маленькой.

– Ты о ком говоришь? Какая еще, – гадина маленькая?

– Миланка. Ведьмовское отродье! Почему я ее в утробе не задавила? Зачем на свет белый родила? Она во всем виновата.

– Это как?

– Если бы Лютый ее не заметил, ничего бы и не случилось.

– Ох, и дурная ты баба! Что говоришь такое? Кто по деревне после того, как ведун Милану забрал, царицей расхаживал? Кому старейшины место почетное на всех празднествах отвели? У кого пшеница так родила, что и сами сыты, и торг-сторговали, и на посев, закрома ломаются? У кого скотина да птица плодит, да множится? Не у тебя ли Любань? Не в твоём ли хозяйстве благополучие?

– У кого боги мужа отняли? Не у меня ли?

– Боги? Может, любовь его высушила, источила? А, девонька? Говори! Разве не предупредила я тебя, когда ворожбу ты на него задумала? Разве не говорила тебе бабка Славия, чем дело обернется? Что не полюбит он тебя, только навредишь себе? Что мне ответила, помнишь?

– Помню. Молодая я была, – дурная. Думала, врешь ты все. Не может он меня не полюбить, коли я его так люблю да почитаю. А вышло, что вся жизнь моя навыворот, хоть в омут с головой али камень на шею. Так бы и сделала, кабы не детки. Без меня пропадут. Как долго еще Славия, как долго!

– Что долго?

– Жить, Славия, – жить. Мука сплошная. Ничего не вижу, – тьма кругом. Страшно, так страшно.

– Эх, горемыка! Дуреха. Отойдет твое сердечко, отогреется. Горе в тебе говорит, беда слезами наружу проливается. От того и Милану во всех несчастьях винишь.

– Оттого и виню, что перед ней я тоже виновата. Кругом ошибок наделала. Я Славия подглядела за тобой, куда ты приворотное зелье прячешь, чуток себе отлила. Знала, что больше ты для меня ворожить не станешь. Опоила Михася снова. С тех ночей Милана у меня родилась. Я ее с первых дней не взлюбила. Мои детки все беленькие, а у этой волосы, что вороново крыло, черные, густючие. Глаза синие. Она и в колыбели пищала по-особому, будто не плачет, а песню поет. Кормлю, бывало, ее, а сама думаю, чтоб та захлебнулась или еще что.

– Что же ты девка сотворила? Как осмелилась, без ведома моего, зелье брать? Если бы отравила Михася? Ты знаешь, что там у меня за снадобья да для чего?

– Не отравила же! Думаешь, легко мне было все годы с тенью Рады в собственном доме жить?

– Сама во всем виновата, еще и стыда хватает на дитя свою обиду переваливать.

– Потому и уехать хочу подальше, чтобы деревню эту забыть, Михася, дочь его.

– Твою дочь, Любань, твою

– Не признаю ее своей! Славия, бабушка, прости ты меня, дурынду. Помоги в последний раз,– женщина зарыдала горше прежнего. – Позаботься о девчонке. Приголубь ее. Видишь, не совсем я дрянь бессовестная, сердце и у меня есть, не бросаю ее на погибель, – тебя прошу.

– Если откажу, что тогда?

– Останусь.

– Останешься? Как так? Тебе же невоготу.

– Не зверь я Славия. Хоть и не люблю девчонку, но какое-то время поживу здесь, посмотрю, как она с Лютым уживется.

– Не могу я тебя понять. Я же видела, как играла ты с малышкой, как в лес вы ходили, как у ручья забавлялись, и ласкала ты ее.

– Ох, бабушка. Надорвалось во мне что-то. Вся злость накопившаяся на девочку пролилась. Как отдали ее Лютому, переменилось все в одночасье. Поняла я, что в Милане муж отголосок своей прежней любви нашел. Рада она для него. Заревновала я.

– Хорошо Любань, что не врешь мне. Помогу. Как готова будешь, уезжай из деревни! За Миланой я присмотрю, и будь, что будет. В дом Лютому предложи перебраться.

– Как скажешь бабушка, так и сделаю.

– Ступай девонька, утро вечера мудреней.

В лесной избушке было темно, Милана давно спала. Смерть отца девочка переживала трудно- плакала по ночам, ребенку снились кошмары, она звала отца. Лютый просыпался, брал малышку на руки, укачивал, рассказывал сказки про заморские страны, диковинки и чудеса. Ведун и сам не мог понять, что с ним происходит. Откуда такая жалость и нежность к чужому ребенку? Раньше он ни к одной из своих учениц не испытывал подобных чувств, но за Милану готов был любому горло перегрызть, словно он ее родной отец.

– Лютый, Лютый, любимый мой, подь сюда!

Ведун насторожился. Не иначе Морина. Пришла мерзавка.

Лютый обвел посохом кровать Миланы, прошептал защитный заговор. От Морины можно ожидать любой подлости.

– Зачем притащилась, карга старая? Что надобно?

– Злой, ты стал воин.

Морина вышла из-за дерева.

Ведун не поверил своим глазам, перед ним стояла не бесплотная тень старухи, а рыжеволосая девица в самом соку. Хоть, бери да женись!

– Где это ты так наелась?

– Нешто не знаешь?

Лютый нахмурился, взгляд его напрягся.

– Михась, твоих рук дело?

– Моих! Что с того? Я делаю, что хочу. Мужик все по Радушке своей сох, убивался. Я ему помогла. Напоследок стала его Радушкой! Налюбились мы с ним, натешились. Он все думал, что спит да Раду во сне обнимает,– ведьма расхохоталась. – Красотка, я теперь. Надолго мне его силы хватит.

– Тварь окаянная!

– Не окаянней тебя. Не по своей воле я тенью стала. Благодарю тебя, что девчонку не трогаю.

– Руки твои, Морина коротки, – Милану обидеть. Знай, жаба мерзкая, тронешь девочку, я тебя в Навь в тот же миг отправлю, не пощажу.

С этими словами, Лютый направил посох в сторону ведьмы, произнес короткое заклятье, и женский образ рассыпался на части, задымился, пошел искрами и исчез в лесной чаще. Над избушкой висело только эхо ее хохота.

– Лютый, Лютый, Лютый?! Ты где? Мне страшно? Лютый?
Ведун влетел в избенку. За ним с лаем ворвался Лешачок.

– Я здесь Миланушка. Здесь. Что случилось?

– Кто-то ходил, я проснулась.

– Это Лешачок, наверное, или Дикошарый.

– Нет – женщина!

– Какая женщина? Нет здесь никого!

– Она белая и рыжая, и очень красивая.

У Лютого задрожали руки. Как Мориная могла быть здесь, если он выставил защиты так, чтобы она к дому подойти не смогла?

– Он ей сказал: «Новая Жрица-дитя!»

– Кто сказал?

– Темный!-девочка провалился в сон, будто и не было ничего, будто и не просыпалась вовсе.

– Вот так дела! Предначертанное сбылось. Милана впервые услышала Темного и его послание. Морины, здесь не было. Девочка еще и видящая! Видит то-чего нет, и что может произойти.

Лютый провел рукой по волосам ребенка, заботливо подоткнул одеяло. Страх не отпускал его. Ведьма не оставит девочку в покое, начнет изводить. Темный, конечно, указал ее место, но для бывшей Жрицы послушаться, – милое дело, лишь бы получить свое! А, там она выкрутиться сумеет.

На рассвете в избушку тихонько постучали.

– Лютый, Милана вы здесь?

Лютый распахнул дверь.

– Славия, ты? Зачем пожаловала?

– Выйди ведун, разговор есть. Милана где?

– Спит.

– Пусть спит, не буди. Нам без лишних ушей пошептаться надобно.

– Что приключилось? Заболел кто, помощь нужна?

– Слава Богам, благополучно все в деревне. Любань уезжать надумала, хозяйство, избу тебе оставить хочет, не за так, разумеется, плату возьмет.

– На что мне ее хозяйство? В лесу воля вольная, свобода.

– Лютый, девочка растет, ей помимо Леших, Водяных, Русалок, науки ведовской, бабья рука нужна. Чтобы знала традиции наши, хозяйкой справной стала. Ты ее этому сможешь обучить? Ласку материнскую ей разве дашь? Ты же не дикарку из нее растишь? Она и так, почитай год, из леса не вылезит, с ребятами, пагодками, не бегают.

– Не до беготни ей. Ремеслу обучается.

– От твоего обучения она скоро человеческий язык забудет, да в деревне ее бояться начнут. Уж, и так шушок пошел, что вы с ней мор на скотину наводите. Еще немного, – взбунтует деревня. Переселяйся! Сам на виду, никто не придерется, слова поганого не скажет, и девчонке возможность дашь, обличье людское не потерять. Лес никуда не денется. Вот он – рядом! Сколько надо, столько в него и ходи. Подумай, Лютый. Я тоже не лыком шита и кой чего могу да вижу.

– Что же ты видишь Славия?– ведун недобро прищурился.

– Вижу я Лютый, что прикипел ты сердцем к девочке и не все равно тебе, что с ней станется. С ответом не тороплю. Любань до новой луны в деревне поживет, а там, – ищи ветра в поле. Михася не стало, и она здесь долго не задержится.

– Милана, как же?

– Мне оставляет, заботиться велит.

– Не правда! Врешь! Врешь ты все бабка Славия! Не уезжает никуда мамка! Над поляной разливался звонкий голосок ребенка. Ни за что она меня одну не бросит.

– Милана?!?

– Уходи бабка Славия, убирайся. Вон, вон!-девочка набросилась на женщину с кулаками. Лютый, едва, успел ее схватить за руки.

– И правда, иди Славия, я обдумаю наш с тобой разговор. Не сердчай на Милану, не в себе она, горе ее на части рвет.

– Вижу. Нешто, слепая я?-старуха тяжело вздохнула и побрела к опушке.

Ведун занес брыкающуюся девочку в избу.

– Милана! Что это с тобой? Ты почему в разговоры старших вмешиваешься? Разве, я не говорил тебе, что так себя не ведут?

Девочка, казалось, не слышала своего наставника. Она металась по избе, собирая какие-то вещи в корзину. Потом, отбросила ее в сторону, пнула ногой, повязала платок и решительно двинулась к выходу.

– Далече собралась?-Лютый улыбался одними губами, глаза его были холодны.

– Домой. Я к маме хочу,-девочка зарыдала. – Это все ты! Ты во всем виноват. Если бы в нашей деревне не появился, ничего бы этого не было. Я знаю! И тятя был бы жив. Я чувствую! Ненавижу тебя и твое колдовство.

– В чем же вина моя? Ты осталась у меня по доброй воле. Твои родители дали согласие на то, чтобы ты училась ремеслу ведьмовскому. Они отдали тебя в услуженье.

– Нет!

– Смотри сама,-Лютый поставил на стол чашу, наполнил родниковой водой, прошептал заговор. – Любуйся Милана, какой разговор был промеж отцом твоим Михасем и мной, когда мы с ним уговаривались,- в воде поплыли образы.

Смотрит Милана, глаз от чаши оторвать не может. Вот он тятя любимый, стоит на поляне перед Лютым, кричит что-то ему. Слов не разобрать. Прислушалась девочка. Разносится голос Михася по лесу. Криком мужик кричит, что отдает Милану Темному, только, чтобы с Радой быть! Никто кроме нее ему не надобен, – ни Любань постылая, ни дети, ни Милана. Душу за Раду готов отдать, не то, что девочку.

– Не верю,-Милана смотрела на Лютого в упор.

– Отправляйся к матери, спроси сама. Прощай,-ведун отвернулся от ребенка и занялся своими делами, нарочито громко, передвигая на печи чугушки.

– Лютый, выходит, они меня бросили?

– А, ты как сама думаешь? Что произошло?

– Бросили. Не нужна я им. Лишний рот. Ты тоже меня бросишь?

– Никогда, Милана! Никогда я тебя не оставлю, пока ты сама меня об этом не попросишь.

Глава 6

– Милана, Милана! Где ты–чертова девка?
– Славия, что всполошилась? Что кричишь? Нет ее в избе. Должно быть, в лес ушла или на реку. Она с вечера за травами собиралась.

– Лютый, ты в своем уме? Дружина княжеская в деревне, а он не знает где дите!

– Дружина? Что с того? Первый раз, что ли ратники в наших краях? Трое их всего с вечера на постой к деду Евсею заехали. Спят, с медовухи да угощений.

– Смотрю на тебя Лютый и диву даюсь. Вроде мужик умный, а что под носом творится, не замечаешь. Или вид делаешь?

– Что это у меня под носом творится, чего я не ведаю?–Лютый, ехидно ухмыляясь, смотрел на старуху. – Я Славия, всегда, знаю, что было, что есть, и что дальше будет.

– Допустим, не ты, а Миланка за тебя видит, – твои глаза и уши перед богами. Это она и былое угадывает, и наперед заглянуть может. Только, не о том я сейчас толкую. Заневестилась девка, в пору входит, парни да мужики шеи сворачивают! Али не замечал?

– Что несешь, старая? Белены обьялась? Пришла ко мне в дом, меня не уважаешь, на девчонку наговариваешь. Пошла прочь!

– Лютый ты на меня не скалься. Не забывай, с кем разговор ведешь! Я тебе не дед Евсей! Ты лучше девку разыщи и из дома одну не выпускай, куда ратники не уедут. Мала она еще, твоя правда. Да от возраста–доверчива, что к чему не разбирает. Так и до беды не далече. Через год– другой от женихов да сватов отбоя не будет, а сейчас, от лишних глаз–береги,-с этими словами старуха вышла из избы.

Лютый задумался.

«Выросла девочка. Не замечал! Десять годков прошли, с тех пор, как уехала Любань и оставила ребенка с ним. Пролетели, словно, единый миг.»

Лютый с Миланой, сразу после отъезда Любани, перебрались в деревню. Милана была неразговорчива, с соседскими ребятишками, как и прежде, практически, не общалась, не интересовали ее детские игры да забавы. Она жила лесом, травами, зверьем и ведовской наукой. Часами могла сидеть на пригорке, перебирать травы, вязать их в пучки, что–то нашептывать, приговаривать. Со временем, у Миланы открылся новый дар, она могла видеть и предсказывать прошлое, настоящее, будущее. Все случилось неожиданно.

– Лютый, зачем ты убивал других воинов? Почему Морину не пожалел?

– Что ты сказала?–ведун запаривал целебный настой, и от удивления, чуть не опрокинул чугунок.

– Морина, такая красивая была, а ты ее зарубил? Она злая конечно, не любила тебя и тятю моего извела,-Милана вопрошающе смотрела на ведуна. Тот растеряно морщил лоб, не зная, что ответить ребенку.

– Малышка, что еще ты знаешь?

– Много знаю! Слушай! Темный говорит, что тебе еще две Луны назад, надобно было, отправиться в путь. В дальних княжествах, на востоке, где жарко и окна, как у нас в избешке лесной- из стекла, – тебя ждут.

– Кто.

– Не знаю,– девочка пожала плечами. – Дядька какой-то, косматый, а голова плешивая. Смешной, но его все боятся. Он как ты, – ведьмак.

– Понятно. Захарий, обо мне вспомнил.

– Точно, Захар! У него для тебя дар, – книга и письмена на заморском языке.

– Милана, как давно ты все это ведаешь?

– Только что в голову пришло.

– С Темным, как разговариваешь, как его чувствуешь?

– Сначала голова тяжелеет и болеть начинает, а потом слова сами собой льются. Лютый, что это? Так всегда будет? Я плохая? Мамка говорила, я чудная, не такая, как все.

– Ты чудная! Самая чудная на свете! Моя королева, принцесса! Моя родная девочка,-ведун прижал ребенка к себе, погладил по голове. Он давно понял, что любит девочку, словно отец. Милана обняла ведуна в ответ.

– Ты не бросишь меня, Лютый?

– Никогда. Я же тебе говорил. Зачем ты все время меня спрашиваешь?

– Потому, что мне страшно. Вот, уйдешь к этому Захару и не вернешься больше, забудешь меня, как мамка.

– Тебя забудешь!-Ведун подмигнул девочке. – Ты сама меня, в случае чего, разыщешь. Помнишь, как мы с тобой в Новгород попали, на торг? Каких пряников там отведали, бусы тебе купили?!?

– Конечно, помню,-глаза Миланы сияли. – Ты мне нож свой оставишь, чтобы я к тебе прийти могла?

– Да. Сейчас и потренируемся. Ведовская наука практику любит. Разводи огонь.

Юная колдунья повернулась в сторону печи, сосредоточилась, повела рукой, – запылал огонь, полетели искры.

– Умница. Иные хозяйки полдня возятся, растапливают, а тебе и мига достаточно. Справной женой кому-то станешь! Черти круг огненный, становись внутрь.

Ведун протянул ребенку нож, испещренный рунами.

Милана беспрекословно подчинилась. Снова повела рукой. Прошептала заговор. От огня в печи отделились огоньки, разлетелись по избе, закружились вихрем.

– Представь, куда уйти хочешь.

Девочка повернулась к Лютому, улыбнулась, и перед ними возникла комната, украшенная шелками, в центре, которой стояла необычная кровать с балдахином. На кровати, сонно щурился, мужичок, – небольшого роста, лысоватый, и с такой же куцей бородачкой.

– Шутница ты Миланка! Избавиться от меня хочешь?

– Я хочу, чтобы ты ушел и поскорей ко мне вернулся. Вот, твой Захарий. Иди, Лютый, я буду ждать. Не забудь про меня только! Захарий тебе будет напитки предлагать и плоды диковинные. В самом красивом-яд. Ты не ешь.

Лютый поперхнулся.

– Яд?

– Да. Для Захария,это последняя ночь. Там будет, что-то страшное. Не задерживайся.

– Хорошо девочка. Я скоро. Соскучиться не успеешь,-ведун ступил в огненный вихрь и исчез.

Все случилось, как и предрекла Милана. Захарий был учтив, любезен, заботлив и не преминул предложить Лютому – хурму, персики и сочный, спелый арбуз.

– Отведай, Лютый! У себя ты таких сластей не едал.

– Первый раз ты встречаешь меня Захарий, как дорогого гостя. Да только там, откуда я родом, принято хозяину вместе с гостем за одним столом сидеть, одни блюда вкушать. Что же ты только меня потчуеть?

– Откушал я уже. Угощайся, не побрезгуй.

– Угощайся, значит?-поднос с фруктами, с размаху, полетел в стену. – Скажи, Захарий, какую ты мне смерть уготовил? Как яд действует? Мгновенно? Или я по твоему замыслу должен был мучиться?

– Собака. Зачем пришел в мой дом? Что надо?

– Говорят, у тебя есть для меня книга и письмена, и я думаю кое-что еще. Это кольцо на твоём пальце! За версту чувствуется его сила. Где раздобыл?

– Где раздобыл, там уже нет! Не надейся! Не отдам!

– Я и не прошу. Сам возьму.

– Попробуй!-над головой Лютого, со свистом, пролетел кинжал. Затем еще один и еще. Клинки парили словно птицы, норовя впитаться в Лютого. Ведун выставил обережный заслон, от которого булат отскакивал словно от щита.

– Дурак, ты Захарий. Ох, и дурак! Что мне твои кинжальчики? Плюнуть и растереть. Не хотел я с тобой воевать, да ты вынудил.

Под Захарием задрожал пол, комнату затягивала дымка. Кинжалы собрались все вместе и атаковали своего владельца. Полилась кровь, Захарий стонал от боли и ужаса.

– Забирай свою книгу, и проваливай.

– Где?

– В изголовье кровати.

– Неси сам, нет тебе веры!

Захарий, пошатываясь, принес книгу.

– Подавись, собака.

– Перстень!

– Нет! Не отдам! Перстень мой.

В ту же секунду, лицо врага исказила гримаса боли. Перстень на пальце раскалился докрасна. Колдун-неудачник, сбросил его на пол, тряся рукой и тихонько повизгивая.

– А, говоришь, я собака!-Лютый рассмеялся. – Скулишь, как шелудивый пес. Ну, прощай. Думаю, больше не свидимся.

– Убирайся. Проклятый. Я доберусь до тебя.

Комната поплыла перед Лютым, растекаясь и меняя очертания.

– Почему так долго? Ты обещал, что я не успею соскучиться?

– Козел этот старый, уперся! Не хотел отдавать книгу. Гляди Милана, все у меня,— и книга и перстень.

– Тебя не было три дня.

– Детка, время в разных местах, странах и измерениях, течет по-разному. Я не знаю, как это происходит. С Захарием я провел, не больше часа.

– Как странно.

– Сам до сих пор удивляюсь. Ты сегодня управлялась? Я голоден.

Милана улыбнулась.

– У нас щи и каша. Будешь?

– А, то как же? Путешествовать между континентами, ой как непросто.

Девочка росла, вместе с ней рос и развивался ее талант, слышать и видеть то, что другим неподвластно. Лютый обучил ее, практически, всему, что знал сам. Мужчина понимал, приходит время им расстаться. Он снова отправится в путь. Милана заживет своей жизнью или той, что уготовит для нее Темный. Такие мысли все чаще и чаще приходили мужчине на ум, но он гнал их от себя. Она ведь, еще ребенок, ей сложно будет одной! Конечно, ведун замечал какой красавицей становится Милана, как расцвела и похорошела девочка за последнее время. Славия обрушила на него горькую правду, словно ушат ледяной воды.

– Заневестилась.... Моя девочка заневестилась,-Лютый вздохнул и вышел из избы. – Права бабка, нужно Милану найти. Посидит дома пару деньков, не страшно.

Глава 7

– Где ее может носить?-ведун был взволнован.

Он прошел по деревне. Местные- девочку не видели. У реки Миланы, тоже, не оказалось. Деревенские кумушки полоскали нехитрое бельишко и подтрунивали над колдуном.

– Что же ты Лютый за ведун, коли на своих двоих бегаешь да девчонку разыскиваешь? Колданул бы, чтобы чертяка ее притащил!-бабы визгливо засмеялись.

Лютый пошел вдоль берега к лесу. Колданул бы, кабы мог. Легче легкого человека найти или вызвать. Любого, да только не Милану. На нее, единственную, его волошба не действовала. Он не мог читать ее мысли, не мог воздействовать на нее. Поначалу, когда она была малышкой, пытался, да только, будто на ледяную стену наскакивал. Так и бросил свои попытки. Одно слово–Жрица. Лютый понимал, что Милана сильнее его,– сильнее ее дар, глубже видение.

Лес встретил ведуна прохладой. Вдалеке залаяла собака.

– Нашел. Лешачок выдал свою хозяйку. Далековато они сегодня забрались, не иначе, в отцову избенку пошла Милана. Ручей там знатный, вода целебная, самая лучшая для настоев да снадобий.

Ведун сбавил шаг.

«Все в порядке, можно не тревожиться, тишина в лесу и спокойствие. Посторонних нет.»

В избе Миланы не было, все указывало на то, что девушка у ручья. Лешачок дремал на солнышке и лишь повел носом, учуяв хозяина.

– Спишь? Лежебока! Откормила тебя Миланка, не пес, а–поросенок.

Лешачок открыл один глаз, зевнул, нехотя встал и вопрошающе уставился на ведуна.

– Вот, наглец! Угощение выпрашиваешь? Извини,-Лютый развел руками. – Не принес! Где хозяйка твоя–отвечай. У ручья? Или к озеру пошла за плакун травой?

Словно понимая, что от него ждут, пес потрусил в сторону ручья.

– Значит там. Не прогадал я.

Солнце клонилось к западу. Скоро стемнеет.

– Милана? Милана! Где ты, девочка?

Ответом Лютому была тишина.

– Что за диво сегодня с этой девкой?-ведун ускорил шаг, раздвинул заросли ивняка и замер.

Девушка спала у воды. Лицо Лютого покрылось испариной. Первый раз в жизни он взглянул на свою подопечную, как на женщину. Нежный овал лица, сочные губы, приоткрытые во сне, казалось, так и созданы для жарких поцелуев, полная, упругая, совсем уже не девичья грудь, распирала расшитую обережной вышивкой рубаху из тонкого льна. Милана спала на траве тихо посапывая, подогнув под себя стройные ноги.

– Милана, паршивка, просыпайся. Что развалилась средь бела дня? Просыпайся, кому говорю?– мужчина, наклонившись над девушкой, грубо ее тормошил. – Ты жива или нет?

– Лютый? Ты чего здесь?-девушка, с просоня, не могла понять, что происходит. – Зачем кричишь? Случилось, что?

– Это я у тебя хочу спросить, что случилось? Почему без спроса ушла? Я тебя бегаю, разыскиваю, будто у меня своих дел нет.

– Я случайно уснула. За травами пошла и не знаю, как меня сморило,-Милана застенчиво улыбалась. – Дома изба топлена, каша в печи, пироги, я тебе оставила, узвар на леднике, и по хозяйству я с утра управилась. Не злись.

– Домой пошли. Солнце заходит.

Лютый круто развернулся и зашагал в сторону деревни.

Девушка сонно потянулась, передернула плечами, не понимая, что произошло с ведуном. Прислушалась к себе. Если бы что-то случилось, она бы почувствовала и знала о происшествии раньше него.

– Нет, в деревне все в порядке! От Темного известий никаких. Что же тогда? Ведьма улыбнулась, быстро поднялась на ноги и побежала следом за Лютым.
«Сейчас узнаем, что с ним.»

Милана слышала и, наперед, знала о чем думает ведун. Только вот, копаться в его сознании, ей было строжайше запрещено. Лютый улавливал, что девушка читает его мысли, и блокировал поток. Однако, пара мгновений в запасе у Миланы всегда была. Ведун, в такие моменты, кряхтел, называл ее–нежитью синеглазой, запрещал к нему и близко подходить, и они вместе смеялись над ее проделкой.

Милана догнала мужчину быстро. Он шел молча, не оборачиваясь, чеканя каждый шаг. Проказница настроилась на своего наставника, ощутила его волнение и злость.

– Невероятно красивая. Не может быть!?! Я хотел ее, хотел, как женщину! Она же еще совсем... Дальше Милана не разобрала. Лютый ее почувствовал, закрыл канал, повернулся и пристально смотрел, ожидая вопрос.

– Ты влюбился?

Колдун, не отрывая взгляда от девушки, замахнулся и дал ей пощечину.

– Если ты еще хотя бы раз, сотворишь подобное, я за себя не ручаюсь. Поняла меня?

Милана не отвечала. Она не могла прийти в себя, поверить в произошедшее. Лютый никогда не поднимал на нее руку, он даже не кричал на нее. Девочка от ведуна видела лишь любовь, заботу и ласку.

Лютый и сам не мог поверить в то, что случилось. Казалось, силы его покинули. Перед ним стояла не уверенная в себе красотка, а его любимая малышка, еле сдерживающая себя, чтобы не зарыдать. Ведун развернулся, и практически, побежал к дому.

Глава 8

С того дня жизнь Миланы и колдуна изменилась. Не было больше в их доме смеха, душевных бесед, добрых шуток. Ведун с каждым днем становился все мрачней, с Миланой разговаривал сухо, обучать ее прекратил. Любое неосторожное слово или поступок девушки вызвали его гнев или раздражение. Милана не знала, что и подумать.

«Кого он считал невероятно красивой? Кого пожелал? – разгадка крылась в ответе на этот вопрос. – Кто эта женщина?»

Как-то раз, она спросила у Славии, не знает ли та, – может у Лютого появилась в деревне зазноба? Славия, только, засмеялась в ответ.

– Что ты детонька, какая зазноба?!? Сколько баб к нему набивались, да только он их на дух не переносит. Нос воротит. Не иначе, о княжне заморской мечтает. Ты и представить себе не можешь, как часто наши дуры деревенские ко мне бегают с просьбами приворожить его–чертяку. Только, никто ему здесь не люб. Может там куда ходит, в иных мирах да княжествах его полюбовница? Об этом не знаю, не ведаю. Но думаю, что ледяное сердце у Лютого твоего. Никто ему кроме тебя не мил.

– И я ему не мила.

– Эх, учудила! Отчего же не мила? Он только тобой и живет, тобой-одной дышит. Ты, что дочь родная ему!

– Ошибаешься бабка Славия. Я всего лишь его ученица, прислужница по хозяйству.

– Какая же кошка промеж вас пробежала?

– Нет бабушка, не в кошке дело. Пойду я домой, скоро он вернется. Мне дома надобно быть. Ругать станет, коли дома не окажусь к его приходу.

– Ну, беги, беги! Коза-дереза.

Милана вышла, а Славия задумалась: «Что такого произошло между девочкой и ведунном? Отчего эти вопросы?»

Старуха подбросила в печь дровишек, запылал огонь ярче.

«Каким бы ты сильным Лютый не был, да и я ворожея родовая. Сейчас глянем что к чему.»

Долго всматривалась знахарка в пламя, не веря тому, что ей открылось. Отошла в сторону, задумалась.

« Вот оно значит, как. Права Милана. Есть у него зазноба в нашей деревне, и это, – она сама. Влюбился ведун в девчонку. Дышать не может, жить не может, сам с собой борется, да страсть вверх берет. Чует мое сердце быть беде. Эх, Миланушка, Миланушка, может в несчастье твое. Мужик он, – с виду, не старый, сильный, не красавец, конечно, да с лица воду не пить. Хозяйство у вас уже есть, и ты его детка, как отца полюбила давно. Видимо, теперь, как мужа полюбить или уважать придется. Поглядим.»

Прошел год, за ним другой. Сбылось давнее предсказание Славии, – не было парня в деревне, чтобы не заглядывался на Милану. Не было месяца, чтобы не приходили в дом Лютого сваты, не только из их деревни, но и из других селений. Слава о красавице колдунье быстро разнеслась по округе. Только, сватов Лютый гнал взашей, с девушки не спускал глаз. Сам был угрюм да гневлив.

Одним днем, Лютый вернулся из очередного путешествия и не застал Милану дома. Стол был накрыт. Девушка всегда его ждала и если отлучалась, по какой надобности, оставляла обед, на случай, если ведун вернется без нее. Лютый знал, Милана боится его. От былого доверия, нежности и любви не осталось и следа. Понимал ведун, что сам отвергает девушку, выстраивает между ними стену непроходимую, обижает ни за что, но совладать с собой не мог.

Он полюбил. Крепко, страстно, безответно, не надеясь на взаимность.

«Как ей скажешь, как откроешься? Ведь он растил ее. На коленях качал, убаюкивал, рассказывал сказки и вдруг, влюбился. Считай, в собственную дочь влюбился.

Нет, не дочь она ему! – понял он, почему язык никогда не поворачивался, дочкой Милану назвать. – Чужло сердце.»

И Милана никогда его отцом не называла. Знал ведун, что любит девочка его как отца и дороже его, никого у нее в жизни нет. Лютый всегда боялся, что раскроется обман и узнает Милана о том, что родной отец-Михась, не отдавал ее в услуженье, не променял на Раду, что все это его, – Лютого ложь, лишь бы девочка не ушла, не сбежала.

Ночами сердце колдуна разрывалось от тоски и одиночества, которые в одночасье свалились на него, как в былые времена, до встречи с Миланой. Каждое утро мужчина уходил в лес и пропадал там целыми днями. Милана знала, куда отправляется Лютый, и не смела ходить за ним. Ее вотчиной стала река. Отлучки Лютого в последний год участились, но надолго из дома он опасался пропадать. Разлука с девушкой была невыносима, а страх за нее преследовал ведуну во всех странствиях. Новые земли не радовали, иные, чудные миры больше не манили. Пока девочка росла, он мечтал, что когда-нибудь они станут путешествовать сквозь время и пространство вместе. Он покажет ей заморские диковинки, будущее, со всеми его преимуществами, страхами и прогрессом. Представлял, как Милана попробует крепкий, ароматный кофе, сморщит свой носик, а потом, как и он, пристрастится к напитку.

Девочка была необычной во всем. Ее красота захватывала дух и щемила сердце. Нежный голос журчал, как весенний ручеек. Она была необуздана в своих стремлениях и порывах, обожала все новое. Лютый обучил ее некоторым языкам. Малышка схватывала науки на лету, имея по многим вопросам собственное мнение и суждение. Он воспитал настоящую ведьму во всех смыслах этого слова и, только теперь, осознал в какой капкан загнал сам себя. Милана стала его продолжением, превзошла учителя в магической науке и разбила ему сердце. Как с этим жить Лютый не представлял. Не находил ответа и не понимал, как ему с ней поступить. Время отпустить девушку на свободу давно пришло. Темный указал Лютому, что дороги их с Миланой расходятся и ведуну пора отправляться в путь, а Милану оставить в деревне. Судьба для нее избрана. Да, только, никак не в силах Лютому выполнить этот приказ. Лучше смерть, чем разлука с Миланой. Самой страшной пыткой были мысли о том, что и муж для Миланы уже определен Темным. Его девочка в мужских объятьях, – это невозможно, он не сможет ее отдать. Волна гнева охватывала его, как только он представлял рядом с Миланой другого.

В таких невеселых раздумьях вернулся ведун домой и в этот раз. На сердце было неспокойно, Миланы дома не было.

«Куда запропастилась? Скорее всего, ушла в лес.»

Без леса она не могла, лес давал девушке силу, ощущение свободы, успокоение.

Лютый взял пирог со стола, налил ароматного сбитеня, но кусок не лез в горло. Тревога не проходила. Неожиданно, кто-то поскреб в дверь. Мужчина вышел на крыльцо, – там никого не было. У деревенских не хватило бы смелости шутить с ведуном.

– Морина, ты что-ли?

– Я соколик мой. Я желанный.

– Выходи! Что прячешься?

– Как мне выйти? День-деньской, солнце не село!

– Можно подумать, тебя это когда-то пугало. Выходи скоренько или иди восвояси, – ведьма старая!

– Чтоб ты провалился бесяка да перьями у тебя в горле поросло, а потом, повылазило.

Морина появилась на пороге, точнее, выплыло то, что от нее осталось. Это была не рыже-волосая красавица, а тень горькой, сторбленной старухи с вздыбленными, редкими, седыми волосенками.

– Доволен?!?

– Ух, ты! Какая красота пропадает. Что Моринушка никто замуж не берет? Рылом не вышла?

– Не тебе о моем рыле беспокоиться. Лучше на свое посмотри да на головушку буйную, не почесывается?

– С чего моей головушке чесаться? Сейчас в баньку пойду, может и ты со мной? Ах, запамятовал, ты же баньку, как и свет дневной не выносишь.

– Да с того, любимый мой, что рога у тебя скоро отрастать начнут. Оленем по лесу поскачешь.

– Что мелешь, дурья башка?

– Миланка, краса наша ненаглядная, с полюбовничком в речке резвится. Хохочет! О тебе не вспоминает. Ты все о ней печешься, маешься, да видать, староват для нее. Паренек, которого она привечает в твои отлучки, молод, горяч, не чета тебе. Лютый, ты хоть, как бабу обнимать, и что с ней делать помнишь? Поди, забыл. Могу подсобить касатик, ой могу! Ночки наши вспоминаешь горячие? У Миланки, теперь, так же! Молодуха она-страстная.

Лютый, ты куда? Куда?-Морина расхохоталась и исчезла.

«Дело сделано, теперь, ведуна не унять. Может, и не станет сегодня у Темного новой жрицы-Миланы, и вернется прежняя жрица-Морина.»

Мужчина бежал через бурелом к реке. Ветки хлестали его по лицу, но он не чувствовал ударов. Сердце разрывалось от боли на части: «Как же так? Чем он хуже? Не может быть! Не могла его девочка так поступить. Не могла!»

Вот уж и река. Разливается смех девичий по округе.

– Петруша, прекрати! Прекрати немедленно. Я все твоему деду скажу! Задаст он тебе трепку.

Юноша стоял по колено в воде и не давал Милане из нее выйти. Как только девушка собиралась пройти, он начинал топтать. Брызги разлетались во все стороны. Милана звонко смеялась, крепко прижимая к себе корзину с бельем.

– Ничо! Не задаст,-парень притопнул еще раз, обрызгав Милану с ног до головы.

– Ну, паршивец такой! Сейчас тебе корзину на голову одену. Будешь знать!

– Не оденешь!

– Это еще почему?

– Так ты белье дочиста выполоскала, заново придется работу делать. Ты-Миланка себя пожалеешь, поленишься.

– Ой, ах! Петруша! Петруша помоги, помоги скорее!-девушка больше не улыбалась, побледнела и выглядела очень испуганной. Голос зазвенел, перешел в крик. – Петруша, Петруша, помоги!

– Что стряслось Миланушка?

– Мавка за ногу схватила сейчас на дно утянет. Не поминай лихом. Прощай.

Паренек подскочил к девушке, хотел схватить за руку и вытянуть из реки. Да, Милана, не долго думая, ухватилась за протянутую руку и резко дернула на себя. Петр не устоял на ногах, плюхнулся со всего размаха в реку.

Девушка, посмеиваясь над незадачливым кавалером, выбралась на берег.

– Становись на ноги, мелко там. Пошутила я. Глупый какой. Откуда здесь мавке взяться? Лютый последнюю, еще когда мы с тобой детьми были-извел. Русалки заплывают иногда. Так, они же красавицы каких ты и не видывал. Женись Петруша на русалке-подводным царем станешь!-Милана смеялась уже громче, заливистой.

Петр вышел из реки, с него ручьями стекала вода. Он был зол и разочарован. Не удалась его шутка, обыграла его Миланка. Не девка–огонь! Черт в юбке.

– Женись, говоришь. И женюсь! На тебе,—юноша рывком притянул ведунью к себе и поцеловал в губы.

Милана пробовала сопротивляться, вырваться, да парень был сильнее. Она трепыхалась в его объятьях, словно синичка, но внезапно сдалась-обмякла. Горячие губы Петра, крепкие мужские руки-сделали свое дело. Девушка отдалась поцелую со всей страстностью своей натуры.

Лютый наблюдал за всем происходящим с пригорка. Как только их увидал, вздохнул с облегчением. Забавляется Петруша, не выпускает девчонку из реки. Так, сейчас Лютый его проучит знатно, задаст трепку, чтобы запомнил надолго. Только Милана Лютого опередила. Ведун хмыкнул, когда парень угодил в реку и совсем не ожидал он такого исхода этой истории. Мужчина словно обезумел, подлетел к паре, отбросил Петра в сторону, схватил за ворот рубахи, потащил к реке.

– Ах, ты собака! Ты к кому прикасаться посмел? Щенок безродный,-Лютый не контролировал себя. Наносил удар за ударом, выхватил засапожный клинок, замахнулся.

– Лютый, нет. Нет!– над рекой раздался пронзительный крик девушки. – Перестань, пожалуйста, перестань!-Милана повисла на Лютом сзади, не давая тому пошевелиться.

– Перестань, говоришь. Ах, ты мерзавка! Сука течная! Живо домой-потаскуха, там поговорим,- ведун обрел способность рассуждать, ярость отступила.

Он пнул носком сапога паренька. Петр, что-то пробормотал. Живой значит.

– Запомни парень, еще раз с ней увижу-прибью. Ты меня знаешь. Я слов на ветер не бросаю,- оглянулся, Миланы не было. Испугал девчонку. Ничего. Сейчас и ее поучу-уму разуму.

Лютый не шел, он словно летел к дому. Ревность поднималась в нем удушливой волной, застилая мысли и чувства.

– Вот так девочка! Ребенок, дитя! Пригрел змею на груди. Дрянь. Ненавижу!

Зашел в избу. Милана стояла белая, словно мел, в руках у нее был небольшой узелок и дорожная котомка.

– Я от тебя ухожу. Хватит. Не знаю, что с тобой приключилось Лютый, но ты мне два года житья не даешь. Всю кровь выпил да выстудил. Я боюсь тебя. Когда-то любила и почитала, как отца, а теперь не могу с тобой находиться под одной крышей. Ты злой, жестокий! Никого не любишь, никто тебе не нужен.

– Все сказала?

– Нет.

– Говори, не медли.

– Всяко, Лютый промеж нас было, благодарна я тебе за науку, но время наше вместе быть и мне у тебя учиться-вышло. Прощай.

– Не всю науку ты освоила детонька. Последний урок будет, самый главный в твоей жизни-послушание называется. Коли, умная-запомнишь.

Просвистел в воздухе хлыст. Первый удар разорвал верхний сарафан. Второй нательную рубаху. Лютый хлестал и хлестал, не задумываясь о последствиях. Девушка пятилась, отступала назад, закрывая лицо руками. Оступилась, упала. Лютый бил ее нещадно, остановился, когда увидел на теле кровь. Отдышался.

– Вот, тебе Милана мое последнее наставление. С этого дня запомни-никуда ты от меня не денешься. Жить со мной будешь, покуда мне не надоест. Женой станешь. Узнаю, что у тебя уже кто-то был до меня-вовсе убью. Так, что если с мужиком спала, лучше сама утопись. Поняла, меня? Поняла, спрашиваю?

Девушка, не поднимая головы кивнула.

– Моя умница,- ведун склонился над Миланой. – Люблю я тебя. Люблю, и ничего с собой не могу поделать. Тот день в лесу у ручья помнишь? Когда спящую застал? Ты потом все выведывала, что за зазноба у меня появилась. В тот день я тебя и разглядел. Настоящую увидал! Потому эти два года, как чумной ходил. Гнал наваждение да оно сильнее меня. Ведьма ты

Миланка! Истинная ведьма, и меня окрутила. Знай, я первый и последний мужчина в твоей жизни.

Девушка, сделав над собой усилие, подняла голову, глаза ее горели ненавистью. Рубаха изодраная хлыстом, свисала лохмотьями, оголяя пышную грудь. Спину девушки испещряли кровавые раны.

– Любишь меня говоришь? Люби–дело твое. Да я тебя не прощу, никогда не прощу! Я отомщу тебе! Перед богами, перед Темным клянусь–я накажу тебя. Как я сегодня, так и ты умоешься слезами и кровью,– Милана плюнула мужчине под ноги и без сил опустилась на пол.

– Отомстишь? Кто ты супротив меня? Глупая баба! Будешь мне утехой, столько-сколько я пожелаю.

Ведун вышел в сени, прошел через двор, сжимая в руках хлыст, и понуро побрел к лесу.

«Что же я наделал? Что сотворил с ней? Как быть теперь? Милана–гордячка, если сказала, что не простит, значит не простит,–сердце щемило от тоски. – Может уйти, бросить все и уйти? Пусть остается одна. Время пришло. Темный дал знак. Разошлись наши с ней пути с этого дня, навек разошлись. Нет! Не могу! Без нее жизнь не имеет смысла,–Лютый зашагал быстрее и уверенней. – Да, будет по-моему. Я ее желаю, и я ее получу! Стерпится–слюбится».

Мужчина постучал в избенку Славии.

Бабка тут же открыла, словно ждала его.

– Заходи Лютый, заходи. Давненько не был у меня в гостях. Какая нужда привела? Сказывай.

– Славия, как в деревне урожай соберут, свадебный уряд проведем. Готовь все.

– Свадебный? Хорошо Лютый. Миланка, как в воду глядела. Все выпрашивала меня, что за любушка у Лютого появилась. Я-старая ей не поверила. Посмеялась над девчонкой. Права она оказалась. Кого же выбрал? Раз ко мне со своей просьбой пришел, должна я знать, кто та красавица, что тебя окрутила?!?

– Милана.

– Милана! Шутник ты ведун.

– Не до шуток мне бабка. Готовь уряд к новому месяцу.

– Невестушка согласна?

– Согласна! Ждет не дождется.

– Лютый, языков злых не боишься?

– С корнями их повырываю, коли разговоры пойдут. Что Славия, поможешь мне?

– В чем Лютый? Не в уряде ведь дело? Миланка артачится? Силой взять хочешь? Не позволю! Дурень ты. Как удумал такое? Она же дите совсем?

– Дите? По кустам твое дите с парнями якшается. Все ее подружки уже своими дитями обзавелись. Самое время и ей пришло, мужней женой стать. Со мной Милана не пропадет. Ветру пахнуть на нее не дам.

– Ты не дашь. Знамо дело. А, жить то ты ей дашь? Из-за спины твоей выглянуть позволишь?

– Ты что меня бабка совестишь? Я не передумаю. К тебе первой пришел. Откажешь, сам к старейшинам пойду. Мне не посмеют возразить. Тямы не хватит. Отдадут за меня твою Миланку распрекрасную, и дело с концом. Родичи от нее оказались. Я единственный, кто за нее ответ держит. А я согласный,– ведун недобро усмехнулся.

– Вижу–не отвернешь от своего! Упертый. Последний раз говорю–пожалей девку, не неволь, одумайся! Придет время, она и сама согласится за тебя пойти.

– Не хочу я больше ждать! Не могу, сил нет. Всю душу из меня эта любовь высосала. Станет моей Милана вскорости. Готовь уряд-гостинцы, дары, пир, как положено по обычаю, ничего не упусти.

– Тебе Лютый видней. Только помни–сделанного не воротись! Возненавидит она тебя.

– Провались ты пропадом! Раскаркалась. Возненавидит! Не веротишь! Уже, уже Милана меня ненавидит. Больше мне терять нечего. Что с ней, что без нее, все едино-пропадать. Лучше уж с ней. Хоть чуток в своей жизни счастье узнать,— Лютый выскочил из избы.

– Лютый, Лютый, погодь. Что произошло то промеж вас?

Ведун лишь махнул рукой и пошел в сторону леса.

Глава 9

Собрали деревенские урожай, загорелись свадебные костры. Принесли Лютый и Милана клятвы перед богами. Отшумела свадьба, отгуляла на славу.

– Пойдем милая, пойдем. Не бойся меня,-Лютый стоял посреди избы, держа молодую жену за руку.

– Что же ты, Миланушка? Любила ведь меня, как отца! Муж я тебе теперь. Взгляни на меня, только, как раньше смотри. Я люблю тебя, больше жизни своей люблю. Все для тебя сделаю. Как царицу заморскую одену, шелками, бархатом постель нашу застелю. Что хочешь, любая моя? Только скажи! Все будет, как пожелаешь! Не молчи, ответь мне. Неужто, холодно твое сердце? Неужто, молчит. Чем я плох? Чем не пара тебе? Милана!!! Да, очнись ты! Весь уряд промолчала. Лишь необходимое перед старейшинами да богами произнесла,-Лютый развернул жену к себе, затряс словно дерево.

Девушка подняла на него свои бездонные, синие глаза, улыбнулась, страстно, призывно, даря Лютому надежду на то, что сложится их жизнь, наладится.

– Я ненавижу тебя!

– Гадина. Сука проклятая,-мужчина выскочил из избы.

Милана села на застланную домотканым льном кровать: «Как у князей!»

В деревне спали, кто на печи, кто на полатах. В их домишке стояла настоящая кровать. С ней Лютый вернулся из одного своего путешествия. В избенке сначала появилась кровать, словно с неба упала, а потом в клубе огня материализовался ведун. Было это давно, когда Милане шел одиннадцатый годок. Девочка смотрела на диковинку, широко распахнув глаза, не понимая зачем нужно такое сложное приспособление.

– Как же изменилась жизнь с тех пор,– девушка вздохнула, выглянула в оконце. Новоиспеченного мужа нигде не было. – Вот и хорошо Лютый, вот и славно. Поглядим еще, кто в дураках останется,-ведьма вышла из избы, прошлась по двору, забежала в конюшню, наскоро подседлала пегую кобылку.

– Зорюшка моя ненаглядная, увези меня отсюда навсегда. Не хочу здесь больше!

Кобыла, нетерпеливо переступала с ноги на ногу. Милана вскочила в седло, потянула повод. Зорьке не нужно было второго слова, она моментально пустилась в галоп.

– Моя умница! Все понимаешь!

Вот уж, промелькнул последний дом. Девушка неслась во весь опор, сама не зная куда. Лишь бы подальше от Лютого, от их дома, от ненавистной теперь деревни.

Тем временем, ведун вернулся в избу. Он ходил к реке искупаться. Вода охладила и успокоила его.

«Надо дать девчонке время. Ничего, пообвыкнет, смягчится ее сердце. Он-Лютый все сделает, чтобы она его полюбила. Как мужа, как мужика полюбила.»

– Милана, Милана! Где ты? Выходи, не бойся. Не зверь же я лесной. Прости меня, девочка. Не знаю, что в тот день нашло на меня. Милана! Да, где же ты?-Лютый насторожился.

«Тихо в избенке, нет ее здесь. Не иначе сбежала.»

От избы до конюшни два шага: «Точно, нет Зорьки. На ней и ускакала.»

Лютый не мешкая, оседлал своего жеребца.

– Куда вздорная девка подалась, в каком направлении искать?

Ведун присмотрелся, подобрал с земли несколько шерстинок, прошептал заговор, и перед ним появилась тень кобылки.

– Ну, Зорюшка-веди меня,-Лютый лишь успел вскочить в седло. Тень ожила, заржала и понеслась вперед да так, что жеребец колдуна еле за ней поспевал.

Тень неслась по деревне, перемахнула через изгородь какого-то домишки и направилась к реке. Лютый не отставал: «Мой конь порезвей кобылки Миланкиной будет, вмиг нагоним!»

Чалый заржал. Вдалеке послышалось ответное ржание.

– Вот и Зорюшка голос подала,-Лютый засмеялся. – Дура девка, думала сбежит!

Милана скакала по полю, понукая и подстегивая лошадь.

– Нагоняет нас Зорька, Лютый нагоняет! Не уйти от него проклятого.

– Стой Милана! Стой!

Девушка не останавливалась.

– Да, стой ты!-Лютый опередил жену на несколько корпусов. Его жеребец гарцевал перед кобылой Миланы. Та испугалась, дернулась в сторону, ведьма не удержавшись в седле, упала на землю

– Жива?-Лютый тормозил жену. – Ушиблась?

– Тебе то, что?

– Овдоветь боюсь!

– А, я вот нет!

– Не шути с огнем девка! Поднимайся. Негоже на земле валяться, студено. Тебе еще детей рожать. Застынешь, что я стану делать с хворой бабой?

Милана, потупив глаза поднялась. Не успел Лютый оглянуться, как она оказалась в седле. Поддала под бока Чалому. Конь рванул с места, да ведун успел перехватить повод и потянуть на себя. Милана завалилась на бок, снова упала, но теперь уже на Лютого. Пара покатила по земле. Мужчина оказался сверху.

– Что ты творишь! Не баба, а куница. Хватит!

Девушка извивалась, пытаясь сбросить Лютого с себя. Глаза горели, косы растрепались.

– Ненавижу, ненавижу тебя!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.